

18+

авантюрный детектив

КОНЕЦ ИГРЫ

НАИДА БАШИРОВА

Наида Баширова

Конец игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50437518

ISBN 9785449818256

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. На страницах романа «Конец игры» читатели снова встретятся с полюбившимися героями романов «Затянувшийся отпуск» и «Охота на кандидата». Банкир Чингиз Салихов уедет в Соединенные Штаты и исчезнет. На его поиски отправится корреспондент Первого канала Наргиз Велиханова и депутат Госдумы Амир Караханов. Смогут ли они вычислить, кому выгодно исчезновение их друга, а главное – удастся ли им его спасти и при этом выжить самим? Героев ждут новые приключения, неожиданные встречи и опасные испытания.

Содержание

– 1-	5
– 2-	17
– 3-	28
– 4-	37
– 5-	44
– 6-	59
– 7-	68
– 8-	77
– 9-	89
– 10-	94
– 11-	101
– 12-	103
– 13-	109
– 14-	117
– 15-	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Конец игры

Наида Баширова

© Наида Баширова, 2020

ISBN 978-5-4498-1825-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Такого просто быть не может! – на выразительном лице Наргиз было написано такое недоумение, что Амир невольно улыбнулся.

– Почему? – мягко спросил он, поднимая голову и перестав орудовать ножом и вилкой.

Они сидели в небольшом кафе, которое привлекло их почти домашним уютом, веселенькими, расшитыми вручную скатертями и живыми цветами, которые были повсюду – и в горшочках на подоконниках, и в изящных вазочках на каждом столике, и в больших вазах на покрытом темным лаком паркетном полу.

– Потому что так не бывает! – Наргиз досадливо поморщилась. – Они не задали мне ни одного вопроса, словно им было все равно, кого они принимают на работу. А им не может быть все равно. Это все-таки телевидение, а не какая-нибудь шарашкина контора, и вакантная должность не какого-нибудь технического работника, а парламентского корреспондента.

– Может, достаточно было одного взгляда на тебя, чтобы ты им приглянулась? – Амир снова приступил к еде, пробуя на вкус бифштекс с кровью, который им только что подали.

– Не могла я им приглянуться с первого взгляда! Я не Мэрилин Монро и не Шерон Стоун, чтобы они тут же распу-

стили нюни и простерлись предо мной ниц.

– Ты недооцениваешь себя. Ты талантливая журналистка...

– Да откуда им это знать! – не дала она ему договорить. – У меня ведь не написано на лбу, что я чертовски талантлива и именно меня они искали всю жизнь. Да и резюме у меня так себе. И потом, я никогда не работала на телевидении, у меня нет никакого опыта, а они вдруг без единого вопроса заявляют, что я им подхожу и с завтрашнего дня могу приступить к работе.

– И что тебя не устраивает? – Амир перестал есть и сделал нетерпеливый жест рукой. – Любая другая на твоём месте визжала бы от восторга, что так легко добилась места на телевидении.

Наргиз пожала плечами.

– Я давно решила для себя, что в этой жизни ничто так просто не дается. А если что-то само плывет в руки, то этому должно быть разумное объяснение.

– Ты стала подозрительной, – заметил Амир.

– Будешь подозрительной, – проворчала она, – когда на тебя смотрят так, словно хотят сказать: «Ну что ты ломаешь комедию! Ты же прекрасно знаешь, что будешь принята, даже если в твоём резюме черным по белому написано, что у тебя три класса образования и ни одной извилины в мозгу».

Амир на мгновенье замер, потом бросил на молодую женщину обеспокоенный взгляд. Она перехватила его, и в ее

глазах странного темно-вишневого цвета зажглись искорки понимания. Осознав, что выдал себя, он быстро отвел глаза и начал шарить в карманах в поисках сигарет.

– Здесь не курят, – сухо предупредила Наргиз.

Он моментально прекратил поиски, мысленно чертыхнулся и приготовился к неизбежному.

– И я хочу знать, – ледяным тоном продолжила она, – почему они на меня так смотрели.

– Ты хочешь узнать это у меня? Почему у меня? – попытался он уйти от ответа, но, поймав ее взгляд, понял, насколько это бесполезно.

– Не увиливай, Амир. Это ты постарался? Замолвил, так сказать, за меня словечко?

– Да, я, – не счел он больше нужным скрывать и, полагая, что лучший способ защиты – нападение, быстро добавил: – А что в этом зазорного? Разве я не вправе попросить за свою хорошую знакомую, которая к тому же долгое время сидит без работы?

– Я не просила тебя о подобной милости, – ее голос был по-прежнему сух и резок.

– Ну, конечно, ты не просила, – так же сухо произнес Амир. – Ты ведь привыкла рассчитывать только на себя.

– Это упрек или обвинение?

– Ни то и ни другое. – Он задумчиво потер подбородок и посмотрел ей прямо в лицо. – Надеюсь, ты не помчишься сейчас в Останкино и не станешь отказываться от работы,

для которой так подходишь?

Его спутница молчала, и он подумал, что, скорее всего, она так и поступит.

– Как же с тобой трудно! – вздохнул он.

– Я просто не люблю, когда вмешиваются в мои дела.

Ее тон несколько не смягчился, и он протянул руку через стол, накрыл ее пальцы своей длинной узкой ладонью.

– Поверь, это самое малое, что я могу сделать в благодарность за все, что ты для меня сделала.

В ее глазах вспыхнули искорки гнева.

– Я не требую от тебя благодарности. Ты мне ничем не обязан. – Она быстро убрала руку и откинулась на спинку стула.

– Конечно, не обязан, – обманчиво-простодушным тоном проговорил он, – если не считать, что ты трижды спасала мою жизнь.

– Ты преувеличиваешь. Это было давно и было...

– Правдой. Все это было правдой, – не дал он ей договорить.

Действительно, год назад Амир попал в страшный переплет, когда, решив стать депутатом Госдумы, выдвинул свою кандидатуру по Дербентскому избирательному округу. Его главным соперником на выборах должен был стать крупный бизнесмен, миллионер и бывший зять губернатора Мурманской области Рауф Нагиев. При разводе с женой последний повел себя не по-джентльменски, что очень и очень не по-

навилось тестю-губернатору. Нагиев не только лишился его поддержки – всемогущий губернатор спустил на него всех собак, каких только можно. Принадлежащую ему компанию стали усиленно проверять и Генпрокуратура, и налоговики, ему инкриминировали участие в незаконных операциях и связи с криминальным миром, так что Нагиеву как воздух был нужен депутатский мандат и неприкосновенность, которую тот гарантировал. Однако, понимая, что в Дагестане его плохо знают и у него мало шансов победить на выборах, он решил подкупить соперника, а когда получил решительный отказ, перешел к открытым угрозам. Жизни Амира много раз угрожала опасность, но благодаря Наргиз он не только остался жив, но и победил на выборах.

Воспоминания, еще такие яркие, словно все случилось только вчера, нахлынули на него, но усилием воли Амир отогнал их.

– И я не вижу ничего предосудительного в том, что попросил за тебя своего друга, – закончил он.

– Своего друга? И кто он, твой друг?

– Генеральный директор Первого канала, – ровным голосом произнес Амир.

– Ух, ты! – Наргиз даже присвистнула от удивления. – Ты не говорил, что генеральный директор Первого канала ходит в твоих друзьях.

– Я должен был кричать об этом на каждом углу? – беззлобно усмехнулся он. – Мы знакомы целый век, и в свое

время я оказал ему кое-какую услугу.

– И теперь ты счел, что ему пришла пора расплачиваться? Он тяжело взглянул на нее.

– Иногда ты становишься просто невыносимой.

Она небрежно повела плечами. На несколько минут за столом воцарилось молчание. Заметив проходящего мимо официанта, Амир попросил унести тарелки и принести чашку крепкого кофе. Наргиз отказалась от кофе и заказала ананасовый сок. Расторопный официант быстро выполнил заказ и удалился.

Амир маленькими глотками попивал черный обжигающий напиток, незаметно наблюдая за своей спутницей, потягивающей из трубочки сок. Она продолжала хмурить брови, и он начинал жалеть, что три дня назад отправился к Артему Богонравову и попросил его взять на работу свою приятельницу Наргиз Велиханову. Тот был явно не в восторге от подобной просьбы, но не мог отказать своему другу. К заверениям Амира, что он не пожалеет о выборе, Богонравов отнесся с прохладцей, сказав лишь два слова: «Поживем-увидим».

Сок был давно выпит, а Наргиз продолжала вертеть в руке пустой стакан, словно не знала, что с ним делать. Тонкая трубочка по-прежнему оставалась зажатой меж зубов. Амир не выдержал, привстал, забрал из ее рук стакан и, нисколько не церемонясь, выдернул изо рта трубочку и бросил на стол.

– Послушай меня, – тихо, но властно проговорил он, снова

усаживаясь. – Ты можешь продолжать дуться на меня и отказаться от новой работы, но мой тебе совет: отправляйся завтра на телестудию, берись за работу и выполняй ее так, как можешь только ты. Кстати, – теперь его голос звучал небрежно, – если ты не справишься, то можешь не сомневаться: никто с тобой нянчиться не станет и держать тебя не будут, погонят взащей. И тогда никто тебе не поможет. Ни Артем Богонравов, будь он даже трижды мне друг, и никто другой. Уж точно я не пошевелю и пальцем.

– Кто бы сомневался! – пробормотала она.

Амир вдруг весело засмеялся, и Наргиз не удержалась, рассмеялась вслед за ним. Напряжение, возникшее между ними, исчезло так же быстро, как и возникло.

– Вот и умница! – Он перегнулся через маленький столик и поцеловал ее в макушку. – Не подведи меня. Я за тебя поручился.

– Признайся, – отсмеявшись, сказала она, – ты преследовал и меркантильные интересы.

Он вопросительно взглянул на нее.

– Ведь теперь ты можешь рассчитывать, что станешь чаще появляться на экранах телевизоров. Теперь я парламентский корреспондент, а ты как-никак депутат Госдумы и в благодарность за то, что хлопотал за меня...

– Не продолжай, – едва не простонал он. – Ты на самом деле так думаешь?

Она не ответила, только глаза ее лукаво заблестели.

– Ну, если тебе легче от этой мысли, что ж, пусть будет так.

– Конечно, легче. Приятно сознавать, что людьми движут корысть и честолюбие, а не благородство и добрые помыслы.

– Ты серьезно? – Он с беспокойством смотрел на нее, обманутый ее серьезным видом.

– А как ты думаешь?

У него был такой растерянный вид, что она не выдержала и прыснула со смеху. Несколько мгновений он недоверчиво глядел на нее, потом покачал головой и улыбнулся:

– Последнее слово должно остаться за тобой. Не так ли?

– Как всегда. Или ты забыл об этом?

– Нет, не забыл, но даже если б так, ты бы наверняка мне напомнила.

Безобидную пикировку прервал телефонный звонок. Амир извлек из кармана мобильник, послушал с минуту, вернул его обратно на место и извинился.

– Мне надо идти, Наргиз. Продолжим наш разговор в следующий раз.

Через час Наргиз встретилась с двумя другими своим друзьями – Чингизом и Максимом. Те знали, куда она отправилась утром, и с нетерпением ждали от нее новостей.

Наргиз вошла в кабинет Чингиза с таким мрачным выражением лица, что первая мысль, которая пришла в голову друзьям, – она провалила собеседование. Мужчины тут же бросились ее утешать, заверяя, что она с ее способностями найдет работу во стократ лучше. Она слушала не перебивая

и, только когда слова утешения иссякли, почесала нос и произнесла:

– Вообще-то я прошла собеседование и принята на работу.

Чингиз от удивления даже помотал головой.

– Ничего не понимаю. Отчего в таком случае похоронный вид?

– Это вопрос к Амиру.

– При чем тут Амир? – не понял Максим.

– При том, что успешным собеседованием я обязана ему, а не своим способностям, в которых вы, как мои друзья, не сомневаетесь. – И она рассказала Чингизу и Максиму о тех шагах, которые предпринял Амир для ее трудоустройства.

– К сожалению, я узнала обо всем этом только два часа назад, – закончила она свой рассказ.

– Представляю, как досталось от тебя Амиру, – не смог сдержать улыбку Чингиз, хорошо знавший независимый характер Наргиз.

– Ему не позавидуешь. Не хотел бы оказаться на его месте, – подхватил Максим.

– Не стоит так за него переживать. На этот раз он отделался довольно легко.

– Надо будет спросить, как это ему удалось, – проворчал Чингиз. – К нам в подобных случаях ты обычно бываешь менее снисходительна.

– Ну вот, сейчас вы обвините меня в неблагодарности.

– Мы ни в чем не собираемся тебя обвинять, – возразил Максим, – но тебе давно пора привыкнуть к тому, что у тебя есть друзья. Мы любим тебя, переживаем, когда у тебя неприятности, и готовы сделать для тебя все, что в наших силах, и сверх того. Нам ли убеждать тебя в том, что друзья должны помогать друг другу? Ты сама по первому зову мчишься нам на помощь, но нашу принять почему-то не спешишь.

– Господи, да я и так позволила вам слишком много для меня сделать! Мне начать перечислять?

Друзья дружно покачали головами.

– Вы что, собираетесь все мои заботы переложить на свои плечи?

– Если это в наших возможностях, то почему бы и нет? – невозмутимо произнес Чингиз.

Наргиз едва не задохнулась от возмущения.

– Если вы еще не заметили, я не девяностолетняя беззубая старуха со скрюченными подагрой пальцами рук и ног и могу передвигаться самостоятельно. И решать свои проблемы, большие и маленькие, я тоже, слава Богу, в состоянии. Без посторонней помощи.

– Посторонние – это мы? – уточнил Максим.

– Не придирайтесь к словам. И давайте договоримся: если мне понадобится помощь, вы первые, к кому я обращусь, но без моего ведома не берите на себя роль добрых самари-

тян.

– Если мы будем ждать, когда ты нас позовешь, то, боюсь, никогда не дождемся, – проворчал Чингиз.

– То, что ты сейчас говорила... – Максим пытливо посмотрел на нее. – Все это ведь не означает, что ты отказалась от работы на телевидении?

– Нет, не отказалась, – вздохнула она. – Точнее, не успела.

– Вот и хорошо, что не успела. Хорошенько подумай, прежде чем предпринять следующий шаг.

– Ладно, подумаю.

Друзья выжидательно смотрели на нее.

– Вы ждете от меня ответа прямо сейчас?

Они дружно закивали головами.

– Хорошо-хорошо! – Она подняла руки, признавая свое поражение. – Я возьмусь за эту работу. В конце концов, мне давно пора начать возвращать долги вашему банку.

Чингиз Салихов вот уже десять лет руководил солидным московским банком, а Максим работал его заместителем. В недалеком прошлом московская квартира Наргиз была разгромлена бандитами из чеченской группировки, а сама она, чудом избежав смерти, попала в больницу. В ее отсутствие друзья не просто привели в порядок квартиру, но и полностью обставили ее. Зная, что она никогда не согласится принять в качестве подарка и великолепный ремонт, и дорогую обстановку, они договорились, что она будет выплачивать потраченные ими деньги в течение последующих

десяти лет.

Вынужденно уйдя из редакции газеты «Московский комсомолец», где она успела проработать всего пару месяцев, весь последний год Наргиз перебивалась случайными заработками, сотрудничая сразу с несколькими изданиями. Ее материалы с удовольствием публиковали, ей даже предлагали перейти на постоянную работу, но она не торопилась. Ей хотелось чего-то нового, отличающегося от того, что она делала до си пор. Узнав, что на Первом канале телевидения проводится конкурс на замещение вакантной должности парламентского корреспондента, она не раздумывая отправила туда свое резюме. И вот она принята, но радости не было. Все портило воспоминание о взглядах, которыми перекидывались те, кто проводил с ней собеседование, и сознание того, что успехом она обязана не собственным способностям, а протекции Амира – черт бы его побрал! Одно успокаивало: если она проявит некомпетентность, если провалится в эфире, ее не просто вышвырнут с работы – ни один телеканал не захочет больше иметь с ней дело.

Ее нерадостные размышления прервал голос Чингиза:

– Ну что, друзья, у нас, кажется, появился повод собраться и отпраздновать это событие. Кто позвонит Амиру?

– Я позвоню, – предложила Наргиз. – Встречаемся там же, где всегда?

Чингиз кивнул:

– В любимом ресторане Максима – в «Гроте».

Наргиз с головой окунулась в работу, которая разительно отличалась от той, чем она занималась до последнего времени. Писать статьи в газеты, даже в самые популярные, с многотысячными тиражами, было значительно легче, чем стоять перед телекамерой и говорить вживую. Но, удивительное дело, оказалось, что она нисколько не боится камеры, очень быстро сумела привыкнуть к ее присутствию и даже полюбила ее. Камера отвечала ей взаимностью: она нисколько не искажала ее лица и фигуры, скорее наоборот, делала их еще более четкими и выразительными.

В первый же раз эфир оказался прямым. Наргиз понимала, как много зависит от того, какой ее впервые увидят телезрители – уверенную в себе, в своих возможностях или дебютантку, у которой поджилки трясутся от волнения. Конечно, она волновалась, но ничто в ее лице не выдавало и тени беспокойства. Она выговаривала слова четко, а мысли излагала ясно, без излишней суеты и торопливости. После выхода в эфир первого ее репортажа она взяла запись домой и множество раз прокручивала ее, пытаясь найти ошибки в том, как стояла, как двигалась, куда и как смотрела, как выглядела вообще. Она и после тщательно анализировала каждый свой выход в эфир. Обладая удивительной способностью беспристрастно смотреть на себя со стороны, слов-

но там, на телеэкране, не она, а совершенно другой человек, она подмечала каждую свою оплошность, придиралась к каждой мелочи, которую, возможно, зрители даже не замечали, но мимо которой никогда не прошел бы профессионал. Она пыталась проанализировать и учесть каждую ошибку и не повторять ее вновь.

Репортажи с парламентских заседаний готовились систематически, и Наргиз старалась, чтобы они получались острыми, живыми, интересными, такими же как публикации, которые выходили из-под ее пера. Очень скоро она приобрела среди депутатов Госдумы много друзей и нажила немало оппонентов. Однако она старалась, чтобы ее личные симпатии и антипатии не довели над ней, когда она готовила свои сюжеты, хотя и вовсе беспристрастной быть не могла.

В немалой степени тому, что ее репортажи из здания на Охотном ряду так хорошо удавались, способствовал Амир. Он был ее неизменным спутником в извилистых коридорах власти, не позволяя заблудиться в них, показывая все подводные течения и камни, подавая руку там, где она могла споткнуться. Он так же, как и она, тщательно анализировал каждое ее появление в теленовостях, указывал на просчеты и ошибки, изредка хвалил, чаще оставался недоволен, но она удивительно терпеливо относилась к его замечаниям, понимая, как важно мнение Амира и как друга, и как депутата.

У нее было запоминающееся лицо, и уже через три-че-

тыре месяца после появления на телеэкране ее стали узнавать на улице, в троллейбусе, в метро. Соседи по дому теперь не смотрели на нее настороженно, а приветливо улыбались, интересовались последними новостями, расспрашивали о знаменитостях, с которыми ей случалось встречаться в людных и шумных коридорах Останкино.

Новая работа захватила ее полностью, единственное, что огорчало – теперь она не могла уделять детям столько внимания, сколько ей хотелось. Последние пять месяцев Рустам и Элла жили в Москве. После обустройства квартиры Наргиз наконец-то смогла забрать их к себе, и хотя дети скучали по родному городу и своим двоюродным братьям и сестрам, их уже захватила жизнь в большом и шумном городе. Девочка ходила в школу, во второй класс, а шестилетний Рустам все еще посещал детский сад. Теперь, когда она работала по десять-двенадцать часов в сутки, за детьми присматривала одинокая пожилая женщина, живущая с ней на одной лестничной площадке. Соседка сама изъявила желание помочь ей и теперь отдавала ее детям все нерастраченное тепло и любовь. Элла и Рустам полюбили ее сразу, что было неудивительно: у Аллы Сергеевны было доброе и приятное лицо, от нее всегда пахло пирогами и чем-то еще очень вкусным, домашним. Бывшая учительница младших классов, она жила на маленькую пенсию и, тем не менее, долго отказывалась от денежного вознаграждения, которое ей предлагала Наргиз. Однако ей удалось настоять на своем, и Алла Сергеевна

фактически поселилась у нее, нередко уходя к себе за полночь. Наргиз называла ее палочкой-выручалочкой и не знала, как благодарить Бога за то, что он послал им ее.

Теперь она реже виделась с друзьями, за исключением Амира, но и с ним встречи обычно не длились больше двадцати-тридцати минут. Да и виделись они в основном в здании на Охотном ряду. Максима такое положение дел не устраивало, и однажды он собрал у себя друзей и заявил, что им не следует отдаляться друг от друга. Все были с ним согласны, и какое-то время они действительно возобновили свои встречи, но постепенно Чингиз стал отлынивать от них: у него завязался очередной бурный роман с юной девицей, единственным достоинством которой было ее кукольное личико. Если у нее и имелось больше двух мозговых клеток, которые боролись за жизнь, прячась за ее огромными пустыми глазами, то ей еще явно надо было научиться пользоваться ими. Поймав при случайной встрече огорченный взгляд Наргиз, Чингиз невозмутимо пожал плечами.

– Что поделаешь, – философски изрек он, – красота и ум – две вещи несовместимые.

Бурный роман закончился так же внезапно, как и начался, но Чингиз не стал появляться у друзей чаще. Амир с головой ушел в законотворческую работу – как раз очень остро обсуждался проект бюджета на предстоящий год, так что Максим и Наргиз теперь чаще встречались вдвоем. Нельзя сказать, что это их особенно огорчало. Им никогда не было

скучно вместе, они могли говорить часами обо всем на свете и так же подолгу молчать, не чувствуя при этом ни скуки, ни неловкости. Максим был частым гостем у нее и любил возиться с ее детьми. Он приходил к ней даже в ее отсутствие, делал с Эллой уроки, учил Рустама играть в шахматы и решать логические задачки, водил их в кино и зоопарк. Дети привязались к нему и скучали, когда перерывы между его визитами становились слишком длинными.

Как-то Максим позвонил Наргиз и пригласил в ресторан.

– По какому поводу? – поинтересовалась она.

– А разве обязательно нужен повод? – тут же отреагировал он.

– Нет, конечно!

Максим услышал ее веселый смех.

– А Чингиз будет?

Спрашивать об Амуре Наргиз не стала: его в Москве не было, он уехал на несколько дней в Париж, где последнее время жили его родители.

– Я пригласил его, но он утверждает, что занят.

– Что ж, в таком случае я попробую его вытащить. Может, у меня получится?

После разговора с Максимом она не откладывая позвонила Чингизу. Тот ответил ей так же, как и другу: он с удовольствием бы посидел с ними, но чертовски занят и прийти не сможет.

– У меня создалось впечатление, что ты нас избегаешь, –

вдруг сказала она. На другом конце провода повисло молчание.

– Почему ты так думаешь? – послышалось, наконец, в трубке.

– Не знаю. Но ты стал реже бывать с нами и всякий раз находишь отговорку, чтобы не прийти.

– Я действительно не могу отлучиться, – сказал он, однако его голосу не хватало убедительности.

– Чем ты так занят? – Наргиз могла быть настойчивой, когда хотела.

– Ну... у меня важная встреча.

– С кем? – не отставала она.

– К сожаленью, я не могу тебе этого сказать.

– Почему? – невинным тоном поинтересовалась она. – У тебя встреча с агентом ФСБ или со шпионом вражеской разведки?

Чингиз попытался подавить смех, но у него ничего не получилось.

– Нет, – сквозь смех сказал он, – это не агент ЦРУ и даже не сотрудник ФСБ.

– Вот и хорошо! Значит, встреча не так важна и мы ждем тебя ровно в восемь часов вечера в ресторане «Грот».

Она тут же отключила телефон, не давая возможности своему собеседнику отказаться.

Ровно в восемь часов банкир сидел за круглым столиком в компании двух своих друзей.

– А ведь я соскучился по тебе, – заявил он, разглядывая несколько осунувшееся лицо Наргиз.

– Не верю, – спокойно возразила она. – Если бы это было так, мне не пришлось бы почти силой затаскивать тебя сюда.

– Нет, правда, я хотел тебя видеть.

– Что же в таком случае мешало поддаться желанию?

– Я хотел дать тебе и Максиму возможность больше бывать вместе.

Наргиз даже замерла от неожиданности.

– Что это значит, Чингиз? – тихо спросила она. – Я не понимаю...

– Да чего там понимать! – Он перевел взгляд на Максима, потом снова посмотрел на молодую женщину. – Перестаньте валять дурака, ребята! Вам давно пора прекратить морочить друг другу головы и пожениться.

Наргиз словно окаменела после этих слов. Максим заскрежетал зубами и метнул на друга яростный взгляд.

– Будь добр, не вмешивайся в наши отношения. – В его голосе явственно прозвучал металл, но это нисколько не обескуражило Чингиза.

– Если я не вмешаюсь, вы еще лет пятьдесят будете ходить вокруг да около и так и не признаетесь друг другу в своих чувствах. Ты же любишь ее, Максим! И любишь давно, с первой встречи. Почему бы тебе не сказать ей об этом?

Синие, как море, глаза Максима потемнели, став почти черными. Что-то было в выражении его лица, что Наргиз по-

няля: сейчас он на самом деле признается ей в любви. Она поняла это – и насмерть перепугалась. Страх заплескался в ее глазах цвета спелой вишни с такой силой, что она судорожно сглотнула, подалась назад и сделала предостерегающий жест рукой.

Максим заметил и ее страх, и смятение, и невольный жест рукой – и ощутил внезапную боль в груди. Нет, он не станет пугать ее своим признанием. Ей нечего опасаться.

– Ребята, зачем все портить? Ведь все было так хорошо. Помните: мы договорились – мы друзья, не более.

В ее голосе было столько мольбы, что Максим успокаивающе сжал ее руку и мягко сказал:

– Не пугайся так, Наргиз. Чингиз просто пошутил.

– Никаких шуток, – запротестовал тот.

– Ты пошутил, – с нажимом произнес Максим. – Скажи, что ты пошутил.

– Хорошо, я пошутил, – покорно согласился его друг.

Одного взгляда на него было достаточно, чтобы убедиться: он говорил серьезно. Но Наргиз решила поддержать Максима и подразывающими нотками в голосе поинтересовалась:

– А ты, значит, умываешь руки?

Еще в самом начале их знакомства Чингиз неожиданно для нее предложил ей выйти за него замуж. Она не приняла его слова всерьез и отказалась от такого, казалось бы, заманчивого предложения. Еще бы: банкир, миллионер, вла-

делец шикарной квартиры в центре Москвы и загородного дома в Подмосковье, к тому же умен, красив, обаятелен. Кто бы отказался?! Но он был слишком красив и слишком часто увлекался юными длинноногими красотками, чтобы она вознамерилась соединить с ним свою судьбу. Позже время от времени он намекал ей на свои чувства, но она реагировала легко, с юмором, и он не настаивал. Потом они договорились, что будут друзьями и только друзьями, и разговоры прекратились. И вот теперь...

– Я решил отступить, – осторожно сказал Чингиз.

– Почему? Разуверился в собственной неотразимости?

– Нет, не разуверился, но я подумал, что ты достойна лучшего мужа, чем я. А Максим во всех отношениях лучше меня. И он единственный, кому я соглашусь тебя уступить.

Разговор опять принимал опасный оборот, и Максим, не желая продолжать его, резко поменял тему и заговорил о предстоящей поездке Чингиза в Германию. Наргиз слушала вполуха и думала о том, что Чингиз прав: надо перестать ломать комедию и выходить замуж за Максима. Ни с кем из мужчин ей не было так спокойно и легко, как с ним. Ее дети привязались к нему, а он – к ним, и лучшего отчима для Эллы и Рустама трудно будет найти. Ее первый и единственный брак длился три года и распался бы раньше, если бы муж согласился отпустить ее. Больше года назад он погиб, утонул в море, неудачно прыгнув с невысокой скалы. Она не боялась повторного брака, хотя очень ценила свою свобо-

ду. Да и Максима никак нельзя было сравнивать с ее бывшим мужем. Он был как каменная скала, за которой она могла укрыться от всех непогод. Он никогда не предаст, не обманет, не взвалит на нее груз своих проблем, а наоборот, возьмет на себя заботу о ней и ее детях. Что же мешало ей согласиться и выйти за него замуж? Даже себе она не могла ответить на этот вопрос. Правда, до сих пор Максим не делал ей никаких признаний в любви и не предлагал руку и сердце, но она знала, как давно и глубоко он ее любит. Он готов был сделать предложение хоть сию минуту, но ждал от нее какого-то знака, жеста, которые подтвердят, что она примет, не оттолкнет ту любовь, которую он предлагал. Она же ни разу не давала ему повода надеяться, хотя и понимала, что не сможет бесконечно долго держать его в неведении относительно собственных чувств. Были ли эти чувства так же глубоки и сильны, как у него? Она не знала однозначного ответа на этот вопрос. Он ей нравился, очень нравился, она была готова на все ради него, но выйти замуж... Наргиз всегда отличалась умением быстро принимать решения, а тут не знала, как поступить.

Она подняла глаза на Максима и встретила с ним взглядом. В его глазах было столько тепла и нежности, что она чуть не зажмурилась. Что же ей делать? Последовать совету Чингиза или оставить все, как есть?

Наргиз не только решила оставить все, как есть, но и стала избегать Максима. Теперь она, как и Чингиз, ссылалась

на занятость и отсутствие свободного времени. Времени у нее действительно оставалось мало, работа на телевидении захватила ее всю, и если бы не дети, она появлялась бы дома только поздно ночью, чтобы поспать три-четыре часа, принять душ, переодеться и утром снова бежать на работу.

В следующий раз все вместе, вчетвером, они собрались у Амира. Тот отмечал свое сорокалетие и пригласил друзей отпраздновать юбилей вместе с ним. Других гостей, кроме них, не было. Когда Наргиз выразила удивление по этому поводу, Амир ответил, что с родственниками и коллегами будет праздновать свое сорокалетие в ближайшую субботу в одном из московских ресторанов.

Амир жил в большом красивом доме, купленном им несколько лет назад и полностью отреставрированном. Окруженный фахверками, словно опутанный паутинами, с тонкой кованой оградой, дом был легок и сиял светлыми тонами штукатурки и декоративного камня.

Планировка дома была анфиладной, и она очень нравилась Наргиз. Из арочного прохода можно было попасть во все комнаты – в малую и большую гостиную, кухню и столовую. Сам проход в лилово-бежевых тонах был построен на сочетании двух видов арок в стиле модерна. Большей частью они были прямоугольной формы, но одна из них имела форму разорванного круга с темной окантовкой. Плавные линии арок подчеркивались подсветкой, расположенной в верхней части проемов и перекликались со световыми коробами на лестнице, ведущей на второй этаж.

Друзья собрались в большой гостиной. Комната была вы-

держана в розовато-бежевых тонах. Особый уют ей придавали яркие вкрапления древесины, мягкая мебель, напольные светильники и угловой встроенный камин, изготовленный по собственным чертежам Амира.

Хозяин дома разжег камин, и какое-то время друзья сидели возле него, делясь последними новостями, потом юбиляр пригласил гостей к столу. Хозяйничала в этот день Наргиз. Амир хотел заказать еду из ресторана, но она не позволила, сказав, что уж на четверых едоков она как-нибудь сама приготовит. Кажется, Амир не очень доверял ее кулинарным способностям и какое-то время опасливо наблюдал за ее приготовлениями, когда она явилась рано утром и принялась колдовать на кухне. Однако стоило ему попробовать салат из нежного куриного мяса, чернослива и голландского сыра и пару других блюд, как он понял, что его опасения беспочвенны. Наргиз не только любила хорошо и вкусно поесть, но и готовила отменно.

– Как же долго ты скрывала свои таланты! – воскликнул он, пробуя азербайджанское национальное блюдо – долму из виноградных листьев. – Все, с сегодняшнего дня никаких ресторанов и кафе. Встречаемся только у тебя.

– Этого я и боялась, – засмеялась Наргиз. – Скажи вам, что я умею готовить, и придется всю жизнь простоять у плиты.

– Всю жизнь – это очень долго, но раз в месяц ты можешь вспомнить, что ты, прежде всего, женщина.

– Ты хочешь сказать, что я об этом забываю? – она удивленно приподняла бровь.

– А разве нет?

Наргиз пожала плечами. Она не то чтобы не любила вести домашнее хозяйство или ленилась – ей просто было жалко времени на готовку, стирку, уборку. Слава Богу, появились стиральные машины, которые выдавали уже высушенное белье, моющие пылесосы, которые позволяли быстро завершить уборку, посудомоечные машины, легко справляющиеся с грязной посудой. Что касается еды, то она предпочитала покупать полуфабрикаты, нежели часами торчать у плиты. Лишь изредка она заставляла себя приготовить что-нибудь самой, испечь детям сдобные булочки и пироги к чаю. Ее старшая сестра Мадина любила говорить, что в ее случае природа ошиблась, когда вместо мальчика на свет появилась девочка. Наргиз охотно соглашалась: ей действительно следовало родиться мужчиной.

Последние слова она произнесла вслух.

– Думаю, ты ошибаешься, – тут же отреагировал Амир. – Если бы ты захотела, из тебя получилась бы прекрасная хозяйка.

– В том-то и дело, что я этого не хочу, – пробормотала Наргиз.

– Это потому что рядом с тобой нет мужчины, которого бы ты любила и ради которого готова была бы часами стоять у плиты.

– Что?! – растерялась она. – Ты хочешь сказать, что я превращусь в добропорядочную домохозяйку в цветастом халатике и обвязанном вокруг талии фартучке, стоит мне выйти замуж?

– Конечно. Просто тебе сейчас не для кого стараться.

– Нет уж! – горячо возразила она. – Ни один мужчина не заставит меня превратиться в кухарку.

Амир рассмеялся.

– Что ж, скоро мы это узнаем.

– Скоро? – не поняла она. – Почему скоро?

– Не вечно же тебе быть одной. Рядом с женщиной всегда должен быть мужчина.

– Да мне вроде бы и так хорошо, – пожалала она плечами равнодушно. – Без мужчины рядом.

– Вот именно «вроде». И не говори, что ты самодостаточная личность и тебе никто не нужен. Не может быть тебе хорошо одной.

– Я не одна. У меня есть дети.

– Мы сейчас говорим не о детях, а о спутнике жизни.

– Тогда и я вправе спросить, каково тебе быть одному? Разве, по аналогии, рядом с мужчиной не должна быть всегда женщина?

Наргиз заметила, как Амир изменился в лице, и мысленно обругала себя. Больше года назад его жена и дочь были убиты. В их трагической смерти Амир винил себя. За несколько лет до этого у него был роман с молодой красивой жен-

щиной, который закончился, когда он отказался развестись с женой и жениться на ней. Анна вышла замуж за другого, но не смогла забыть Амира. Желая вернуть его, она наняла убийцу, который застрелил Марию и ее дочь Олю. Наргиз участвовала в расследовании двойного убийства, и ей удалось разоблачить Анну, но до суда дело не дошло: Анна погибла в результате автомобильной аварии и при этом едва не забрала с собой на тот свет и Наргиз.

Амир не мог смириться со смертью близких людей. Если бы не депутатская деятельность, которой он отдался всецело и которая занимала почти все его время, неизвестно чем бы все кончилось. Он наверняка впал бы в депрессию, из которой мог бы и не выйти. Он заставлял себя работать по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки, чтобы не оставлять время для воспоминаний и невеселых раздумий и, придя домой, завалиться от усталости в постель и спать без сновидений до самого утра.

С ее стороны было жестоко напоминать Амиру, что он сейчас один. Впрочем, если он считает, что она не должна быть одна, то и ему самому пора подумать о спутнице жизни. Тем не менее, она извинилась перед ним.

– Прости, Амир, я не хотела будить в тебе невеселые воспоминания. Особенно в такой день. Прости.

Она приблизилась к нему, дотронулась до его руки. У нее было виноватое выражение лица, и он успокаивающе сжал ее пальцы.

– Ты меня тоже прости. Мне не надо было начинать этот разговор.

– Это, наверное, Чингиз тебя заразил. – Он непонимающе уставился на нее. – Не так давно он заявил мне и Максиму, что нам пора перестать валять дурака и пожениться.

– И что же ты? – не сразу спросил он.

– Я трусливо поджала хвост и сбежала.

– И Максим позволил тебе это? —он недоверчиво взглянул на нее.

– Ему не оставалось ничего другого. Он знает, что на меня нельзя давить.

– Джентльменство может дорого стоить Максиму.

– Что ты имеешь в виду?

– Что найдется кто-то понапористей и смелей и уведет тебя.

– Ты думаешь, со мной это будет так просто? Пришел, увидел, победил?

– Нет, не думаю. Тебя нужно завоевывать шаг за шагом.

Наргиз сделалось весело.

– Я не военный трофей. Меня не нужно завоевывать, – заявила она.

Амир словно не слышал ее.

– Максиму нужно изменить тактику, если он хочет продвинуться хоть немного в своем ухаживании.

– Только не смей указывать, что ему делать.

– Я и не подумаю. Он не примет от меня никаких советов.

Если ты не заметила, он ревнует тебя ко мне.

Она весело засмеялась.

– Его ревность беспочвенна.

– Да, беспочвенна.

Он произнес это таким ровным и бесцветным голосом, что Наргиз удивленно взглянула на него. По его лицу ничего нельзя было прочесть, оно было непроницаемым, как темная гладь воды. Не желая углубляться в эту щекотливую тему, она вернулась к готовке – ей предстояло еще столько сделать, и тратить время на непонятные разговоры было некогда.

И сейчас, сидя за красиво сервированным столом, она выслушивала от друзей комплименты своим кулинарным способностям.

– Господи, как же давно я не ел голубцы из баклажанов! – восклицал Чингиз, заправляя баклажаны, начиненные до красна прожаренным фаршем, чесночным соусом.

– Очень вкусно, – подтвердил Максим, делая то же самое. – Ты превзошла саму себя, Наргиз.

Максим, который не раз гостил у родных Чингиза в Баку, хорошо знал и любил кавказскую кухню и теперь с удовольствием пробовал блюда, приготовленные Наргиз.

Сама Наргиз ела мало, она успела насытиться запахами, когда готовила, и теперь с удовольствием ухаживала за мужчинами, подавая им все новые и новые блюда. Как и полагалось, было произнесено множество тостов в честь юбиляра. Чингиз с Максимом были знакомы с Амиром чуть больше

года, и если в начале знакомства между ними и возникали некоторые недоразумения, то после они прониклись взаимной симпатией, и теперь их соединяла настоящая крепкая мужская дружба.

После тостов и здравниц они перешли в малую гостиную. Чингиз, не дожидаясь приглашения, сел за рояль и начал играть своего любимого Брамса. После за роялем его сменили Максим и Амир. У всех троих было начальное музыкальное образование, и по их игре можно было предположить, что посещали они музыкальную школу не из-под палки.

– Ну а теперь нам сыграет Наргиз, – сказал, вставая со стула, Амир.

Чингиз с Максимом удивленно переглянулись. Они знали, что Наргиз не умеет играть, она неоднократно сокрушалась по этому поводу и говорила, что больше всего на свете хочет научиться играть на фортепиано.

Наргиз неуверенно взглянула на друзей, но послушно села за рояль и опустила пальцы на клавиши. Она играла знаменитую мелодию Альбиниони. Возможно, ей не хватало техники, но играла она с большим чувством, отдавшись во власть печальной и одновременно светлой музыки гениального итальянца. Друзья долго аплодировали ей.

– Когда ты успела научиться игре на фортепиано? – удивленно спросил Чингиз, подходя к ней.

– Брала уроки у Амира. Промучился он, конечно, здорово – я была не самой прилежной ученицей, но кое-чего все-

таки добился. Правда, нот я по-прежнему не знаю, подбираю на слух, но тут уж ничего не поделаешь.

– Почему ты держала в тайне свои занятия? – спросил Максим. – Мы бы тоже могли дать тебе уроки музыки.

– Но ты ведь сам говорил, что мне медведь на ухо наступил и учить меня игре на каком бы то ни было инструменте – пустая трата времени.

– Неужели я это говорил? – пробормотал Максим.

– Говорил-говорил! – засмеялась Наргиз. – Вот я и решила доказать тебе обратное.

– У тебя это получилось. Беру свои слова обратно и готов помочь тебе одолеть нотную грамоту.

– Ловлю на слове.

Праздничный ужин продолжался. Они ели, пили, слушали музыку, говорили о пустяках, много шутили и смеялись. И никто из них не знал, что вот так вместе, вчетвером, им суждено будет собраться вновь очень и очень не скоро.

Через месяц Чингиз уехал в Соединенные Штаты и исчез. Но еще до этих событий, принесших друзьям большие волнения и тревоги, Наргиз съездила в Мурманск, куда была приглашена Ольгой Григорьевной, женой бывшего генерала ФСБ Алексея Петровича Солоницына. В ближайшее воскресенье должен был исполниться ровно год с момента его исчезновения, и Ольга решила отметить эту своеобразную дату.

Наргиз хорошо знала, что предшествовало внезапному исчезновению генерала. Журналистское расследование, которое она вела по поручению главного редактора «Московского комсомольца», привело ее в Мурманск, где она и познакомилась с Алексеем Петровичем. Казалось, он сразу проникся к ней симпатией и взялся помочь в расследовании. Он даже познакомил ее со своей женой и, беспокоясь за ее безопасность, окружил заботой и вниманием. Но, как оказалось впоследствии, в той запутанной истории, когда Наргиз искала тех, кто покушался на жизнь Амира Караханова, а потом и тех, кто убил его жену и дочь, Солоницын сыграл не последнюю роль. Но узнала она об этом много позже, когда генерал исчез не только вместе с деньгами бизнесмена и кандидата в депутаты Госдумы Нагиева, но и прихватив заодно миллионы Машерова, которыми должна была распо-

рядиться она, Наргиз. Исчез не один, а с молодой и красивой женщиной, дочерью губернатора Мурманской области Еленой Нагиевой, задумавшей отомстить бывшему мужу за обман и предательство и преуспевшей в этом. Рауф Нагиев, по ее милости, не просто расстался со значительной частью своего многомиллионного состояния – его едва не обвинили в гибели жены и дочери Караханова.

Ничего этого Ольга Григорьевна не знала, полагая, что исчезновение мужа связано с его профессиональной деятельностью. Ни правоохранные органы, ни Наргиз не стали выводить ее из заблуждения. Поверить, что Ольга Григорьевна не имела никакого отношения ко всей этой истории, было несложно. Женщина явно пребывала в шоке, потеряв мужа, и едва не лишилась рассудка. Наргиз, обеспокоенная ее состоянием, вырвала ее из привычного круга и привезла в родной город, где в течение почти двух месяцев та медленно приходила в себя. Последующие месяцы они регулярно перезванивались, а теперь Ольга Григорьевна пригласила ее в Мурманск, и отказать ей Наргиз не могла. Собираясь в этот северный город, она не рассчитывала услышать какие-то новости о Солоницыне, уверенная, что если бы они были, она узнала бы о них в числе первых.

В аэропорту Мурманска ее встречала молодая женщина, в которой Наргиз без труда распознала дочь Ольги Григорьевны. Мать и дочь были очень похожи: те же голубые глаза с пушистыми ресницами, тот же выпуклый лоб и широкий

рот с ровным рядом жемчужных зубов.

– Валентина? – Наргиз вопросительно посмотрела на молодую женщину. Та покачала головой.

– Валентина – моя старшая сестра. Я Татьяна. Можно просто Таня. – Женщина с нескрываемым любопытством смотрела на гостью. – Я много слышала о вас от мамы. Спасибо за все, что вы для нее сделали.

– Не стоит благодарности. На моем месте так поступила бы каждая.

Татьяна покачала головой, но ничего не сказала. Уже сидя за рулем серебристого «форда», она повернулась к своей пассажирке всем телом и тихо спросила:

– Вы поведаете нам, что на самом деле произошло год назад?

– Разве Ольга Григорьевна вам не рассказывала?

– Мама знает только то, что должна знать. Уверена, вы знаете значительно больше.

– А что известно вам?

Татьяна ответила не сразу, а когда заговорила, в ее голосе звучала неприкрытая обида на отца.

– После исчезновения отца к нам – ко мне и Вале – приходили разные люди из ФСБ, милиции, прокуратуры. Нам задавали множество вопросов, из которых мы поняли, что его исчезновение – не происки бандитов или шпионов. Он сам подготовил свой побег, и можно только догадываться, почему он сделал это, почему решил оставить всех нас – ма-

му, меня, сестру. Мы даже не догадывались о его планах, так что ничем не могли помочь тем, кто хотел его найти. Все было неожиданно, как гром среди ясного неба. – Она перевела дыхание и продолжила: – Я знаю, что его до сих пор ищут. Весь этот год у нас периодически появлялись какие-то люди, расспрашивали, нет ли известий об отце. Все мы, в том числе и наши мужья, находимся под постоянным наблюдением. Наша почта просматривается, звонки прослушиваются. В наших квартирах наверняка установлены «жучки». Не удивлюсь, если окажется, что и этот наш разговор прослушивается.

Наргиз не знала, как быть. Рассказать ей все, как есть? Татьяна вправе знать, что случилось с отцом. И ее старшая сестра тоже.

– Ваша сестра тоже здесь, в Мурманске? – спросила она.

Татьяна кивнула. В Мурманск, как выяснилось вскоре, приехали не только дочери Ольги Григорьевны, но и ее зятя. Меньше чем через час она познакомилась с ними. Валентина, в отличие от младшей сестры, была больше похожа на отца. Только волосы ее были темнее и губы не такими тонкими, как у него. Мужчинам было лет по тридцать два-тридцать пять. У одного из них были густые светлые волосы, выцветшие под летним солнцем, и приятное лицо с правильными чертами. Высокий, атлетически сложенный, с широкими плечами и крепкими мускулами, он мог бы играть нападающим в футбольной команде. Другой был среднего роста, ху-

дощавый, с тем лоском, который приобретается, когда долгое время живешь за границей. Наргиз поняла, что это и есть муж Валентины, работавший в посольстве одной из западноевропейских стран.

За прошедший год Ольга Григорьевна похудела, вокруг глаз появилось множество мелких морщинок, но выглядела она лучше, чем ожидала Наргиз. Говорят, время – лучший лекарь. Возможно, она примирилась с потерей мужа, или боль притупилась и теперь не причиняла таких страданий, как в первые дни и недели.

Вечером они все вместе собрались за круглым столом. Ольга Григорьевна вспоминала мужа, и Наргиз заметила, что говорит она о нем как об умершем. Ей и в голову не приходило, что, будучи жив, он может не дать о себе знать. Татьяна с Валентиной поддерживали разговор, мужчины больше молчали и иногда многозначительно переглядывались. Наргиз чувствовала себя не очень уютно. Ее тяготила необходимость объясниться с дочерью Солоницына. То, что они ее так просто не отпустят, она хорошо понимала. Когда все встали из-за стола, было десять часов вечера, и Валентина предложила прогуляться. Ольга Григорьевна решила остаться дома, чтобы убрать со стола, а молодые люди, накинув плащи и куртки, вышли на улицу. Не дожидаясь, когда ее попросят об этом, Наргиз рассказала им все, что произошло год назад. По крайней мере, то, что ей было известно. Несмотря на то что ее рассказ был довольно подробен, они

забросали ее вопросами. Особого удивления на лицах своих спутников она не заметила. Видимо, они предполагали что-то подобное либо знали больше, чем говорили. Наргиз в свою очередь интересовало, есть ли у них какие-нибудь предположения насчет того, где в данный момент может находиться Солоницын. Ничего нового ей узнать не удалось. Зато ей охотно рассказали, что у Дмитрия, мужа Валентины, были большие неприятности на работе из-за исчезновения тестя. Его должны были повысить в должности, однако по причинам, которые даже не стали излагать, документы из Москвы были отозваны, и Дмитрий остался на прежнем месте работы. Молодой человек был переполнен праведным гневом, так как был уверен, что причина немилости – в его тесте. Со слов Ольги Григорьевны Наргиз знала: тем, что после окончания МГИМО он оказался не в какой-нибудь бедной африканской стране, а в экономически развитой Испании, Дмитрий был, прежде всего, обязан своему тестю, а потом уже своим способностям. Когда он в очередной раз пожаловался на Солоницына, Наргиз не выдержала и съязвила, что от судьбы следует ждать не только подарков, что если однажды он принял помощь от человека, то должен понимать, что в следующий раз может получить и пинок. Дмитрий ступшевался, даже покраснел, но больше ничего плохого о своем тесте не говорил.

– А что стало с Нагиевым? – вдруг поинтересовалась Татьяна. – Его все-таки засадили в тюрьму?

– Нет, он на свободе. На него работают слишком хорошие адвокаты. Ему уже не могли предъявить обвинение в убийстве жены и дочери Караханова, а другие обвинения рассыпались сами собой. Нагиев сейчас на свободе, живет в Москве и старается вернуть то, что потерял.

– Он ищет нашего отца и свою бывшую жену?

– Не думаю. Он ведь не дурак и понимает, что это не в его силах и возможностях. Если их не смогла обнаружить все- сильная ФСБ, то что может сделать он? Тем более что он сейчас не так богат, как прежде.

Наргиз ошибалась насчет Нагиева и его возможностей, в чем смогла убедиться очень и очень скоро.

– А вы? Вы пытались его найти? Может, вы нащупали какой-нибудь след?

– Нет, не пыталась. Это то же самое, что искать иголку в стоге сена. Но знаете, – задумчиво произнесла Наргиз, – что-то подсказывает мне: рано или поздно я обязательно встречусь с вашим отцом. Не знаю, что сулит мне эта встреча, но то, что она произойдет, я нисколько не сомневаюсь.

На этот раз интуиция не подвела ее, но она даже не ведала, что встретится с Солоницыным при обстоятельствах, которые не снились ей даже в самом страшном сне.

Чингиз улетел в Соединенные Штаты на следующий день после возвращения Наргиз из Мурманска, и она смогла попрощаться с ним только по телефону. Он сказал, что будет отсутствовать максимум две недели, и обещал устроить пикник на природе, когда вернется из поездки. В течение следующей недели он трижды звонил ей, подробно расспрашивал о детях и сам, в свою очередь, рассказывал о том, как проводит время в Нью-Йорке. Последующие дни звонков от него не было, но, погруженная в мысли о работе, Наргиз не обратила на это внимания. Она была в Останкино и слушала запись репортажа, сделанного накануне, когда зазвонил мобильник. Это был Максим. После обычных приветственных слов он спросил, не звонил ли ей Чингиз.

– Звонил, – ответила она и услышала в трубке вздох облегчения.

– Когда ты говорила с ним последний раз? – все же решил уточнить он.

– Дай-ка вспомнить... Кажется, в прошлый четверг.

– Это же шесть дней назад! – в голосе Максима отчетливо слышалось разочарование.

– А что случилось?

– Надеюсь, что ничего страшного. От Чингиза нет известий вот уже пять дней.

– А сам ты пробовал с ним связаться?

– Конечно, пробовал, но он не отвечает. Признаться, меня это беспокоит.

Наргиз и сама почувствовала смутное беспокойство. Что могло случиться с Чингизом? Почему он не дает о себе знать? В голову тут же полезли дурацкие мысли: его избили, ограбили, он попал под машину, оказался втянутым в неприятную историю... Однако, когда она снова заговорила с Максимом, она постаралась, чтобы голос не выдал охватившую ее тревогу.

– Уверена, он даст о себе знать в самое ближайшее время. Звони, если будут новости.

Работа, которую нужно было срочно выполнить, отвлекла ее на время от тревожных мыслей, но они вернулись, как только ее репортаж пошел в эфир и она оказалась свободна.

По дороге к метро Наргиз позвонила Максиму, надеясь услышать от него утешительные новости. Однако их не было ни в этот день, ни на следующий. Обеспокоенная еще больше, она отправилась в «Эконом-банк» и застала Максима нервно вышагивающего из одного угла кабинета в другой.

– Как хорошо, что ты пришла! – Он шагнул к ней, обнял за плечи и легко коснулся губами ее щеки.

Наргиз ни с кем не чувствовала себя так спокойно, как с ним, но только не сейчас. Он был сильно встревожен, и его тревога тут же передалась ей.

– Как ты думаешь, что могло случиться с Чингизом? –

спросила она, взглядываясь в его встревоженное лицо.

– Ума не приложу. Он сказал, что будет отсутствовать не больше двух недель. Две недели уже истекли.

– Может, он загулял с какой-нибудь американской красавицей? – попыталась она пошутить, но он не принял ее нарочито беззаботного тона.

– Нет, это невозможно. Уж легкомысленным Чингиз никогда не был. Он знает, что нужен здесь, что нельзя надолго оставлять банк.

– Ты знаешь, в какой гостинице он остановился?

– Я могу узнать. Номер в отеле бронировался заранее.

Для Чингиза был забронирован номер в отеле «Плаза». Понадобилось минут двадцать, чтобы связаться с портье отеля и узнать у того, что мистер Салихов действительно остановился у них, но в данный момент отсутствует. Максим попросил его передать мистеру Салихову, чтобы тот связался с ним (он назвал свое полное имя и фамилию), как только вернется в отель.

Портье дважды переспросил фамилию Максима и обещал исполнить его просьбу. Они прождали звонка весь вечер, но Чингиз так и не позвонил. Портье, с которым они связались на следующий день, сообщил, что мистер Салихов ни вчера, ни сегодняшним утром не появлялся в отеле, более того, как ему стало известно, тот не появлялся в своем номере больше недели. Следующий интересующий его вопрос Максим задать не успел. Портье извинился, сказал, что очень

занят и его ждут посетители, и отключился. Максим чертыхнулся вслух и бросил трубку. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять – хороших новостей не будет.

Хмуро сдвинув брови, Максим встал и отошел к окну. Он смотрел сверху вниз на деловую Москву. Потоки машин ползли вперед, останавливались, снова двигались. На мгновение он коснулся лбом стекла. Далеко внизу по ту сторону улицы ветер ерошил листья деревьев. Они уже обрели тяжелую тусклость начала осени, но в эту секунду, пронизанные солнечным светом, трепетали и танцевали.

Через несколько долгих минут он повернулся к Наргиз и решительно произнес:

– Надо что-то делать.

Наргиз кивнула. Что-то подсказывало ей, что ждать, пока Чингиз сам даст о себе знать, не стоит. Надо что-то предпринимать, но что именно и с чего начать?

– Чингиз купил билеты в оба конца или только в один? – спросила она.

– Только в один. Он не знал точно, когда вернется.

– В любом случае он не предполагал оставаться в США более двух недель и наверняка заказал обратный билет. Вот только на какое число и на какой рейс? И хотел ли он напрямую лететь в Москву? Может, он собирался сделать пересадку и вернуться в столицу, скажем, через родной Баку? А что если он исчез не на территории США, а совсем в другой стране?

– Чингиза нет в Баку. Я разговаривал с его родителями. Они знают, что их сын в Нью-Йорке. Он звонил им оттуда, но в последний раз – дней семь назад. И не забудь: он ведь еще не выселился из отеля. Номер по-прежнему числится за ним.

– Кстати, что за срочные дела были у Чингиза в Нью-Йорке?

– Он должен был встретиться с неким господином Майклом Фазэрсом. Он глава крупной компании и три года назад взял в нашем банке большую ссуду.

– Насколько большую?

– Очень большую. Речь о десятках миллионов долларов.

– Вот как! – Наргиз смотрела на хозяина кабинета с широко распахнутыми глазами. – Поэтому ты так обеспокоен? Там, где большие деньги, там и... – Она не договорила. Теперь ее тревога перешла почти в панику. Ей с трудом удалось взять себя в руки.

– Разве Чингиз не рисковал, предоставляя в кредит такую сумму денег?

– Не так сильно, как может показаться. Майкл Фазэрс заложил под эти деньги пакет принадлежащих ему акций иностранной нефтяной компании.

– Когда американец должен был вернуть банку кредит?

– Полгода назад. Однако он не смог погасить задолженность.

– И что Чингиз? Неужели не потребовал назад свои день-

ги?

– Нет, он отсрочил срок платежа еще на полгода. Срок истекает в этом месяце. Если Фазэрс и на этот раз будет не в состоянии расплатиться с нами, акции нефтяной компании перейдут к нам.

– Эти акции стоят тех денег, которые вы отдали Фазэрсу? Нефтяная компания, о которой ты говорил, действительно существует?

– Наргиз, помилуй, – воскликнул Максим, – неужели ты думаешь, что мы отдали миллионы долларов, не проверив все досконально? Эти акции сейчас на рынке стоят значительно дороже, чем три года назад, когда их оставляли нам в качестве залога.

– Значит, Майклу Фазэрсу выгоднее расплатиться с вами, чем отдавать акции?

– Естественно. Но если он не сможет найти необходимой суммы денег, ему придется либо уступить нам акции, либо объявить себя банкротом.

Наргиз задумалась на несколько минут, потом спросила Максима, пристально глядя на него:

– Почему Фазэрс обратился именно к вам? Он гражданин США и мог воспользоваться услугами отечественных банков. Любой американский банк, уверена, ссудил бы ему деньги под акции процветающей нефтяной компании.

Максим нахмурился.

– Я не могу ответить на этот вопрос. Меня не посвящали

в подробности договора, заключенного с Фазэрсом.

– Тебе не кажется, что исчезновение Чингиза как-то связано с этим договором?

– Вполне возможно. Но узнать это наверняка можно будет, только отправившись в США.

– Ты собираешься лететь в Нью-Йорк?

– А разве у меня есть выбор? – последовал быстрый ответ. – Я должен узнать, что случилось с Чингизом.

– Когда ты намерен ехать?

Максим нервно провел пятерней по светло-русые волосы.

– К сожалению, в ближайшие два-три дня не получится. В отсутствие Чингиза я могу заменить его, меня же никто заменить не может. Право подписи на документах имеем только Чингиз и я. Я попытаюсь быстро завершить все срочные банковские дела и вылететь в Нью-Йорк в воскресенье.

Вечером того же дня Наргиз и Амир входили в холостяцкую квартиру Максима. Он был дома и ждал друзей. Наргиз успела рассказать Амиру об исчезновении Чингиза, и тот теперь выглядел таким же обеспокоенным, как и Максим. Мужчины пожали друг другу руки. Молодую женщину Максим приветствовал легким поцелуем в щеку.

– Ты сказал, что сможешь вылететь в Нью-Йорк только в воскресенье. – Наргиз сразу заговорила о том, что их сейчас волновало. Максим кивнул. – Боюсь, что мы не можем ждать так долго. Возможно, Чингиз в опасности, и здесь до-

рог каждый день и час.

– Что ты предлагаешь?

– В Нью-Йорк полечу я, причем завтра же.

Максим ошеломленно смотрел на нее.

– Но у тебя работа, дети...

– За детьми присмотрит Алла Сергеевна. Если пребывание в Соединенных Штатах затянется, за ними приедет моя сестра, либо Алла Сергеевна сама отвезет их в мой родной город. Я уже договорилась с ними. Что касается работы... – Наргиз умолкла, неопределенно пожав плечами.

– С работы тебя не отпустят, – вставил молчавший до сих пор Амир.

– К черту работу! Выгонят – найду себе новую, – с беспечностью, которую вовсе не ощущала, проговорила она.

– Но тебе нравится твоя работа на телевидении, и ты совсем недавно приступила к ней.

– Не будем об этом, – твердо произнесла она. – Сейчас не это главное. Главное – найти Чингиза, и если ради этого придется уйти с телевидения, что ж, это не столь высокая цена, чтобы я не могла заплатить ее.

– Но ты не можешь лететь туда одна, – покачал головой Максим. – Незнакомая страна, незнакомые люди. Как ты собираешься искать там Чингиза?

– Что-нибудь придумаю.

– Нет, я не отпущу тебя одну, – твердо проговорил он. – Это исключено. Если что-то произошло с Чингизом, может

произойти и с тобой. Я не прощу себе, если ты попадешь там в беду.

Наргиз попыталась возразить, но спокойный голос Амира опередил ее, не дав заговорить.

– Я тоже против того, чтобы ты отправлялась в чужую страну одна. Поездка может быть опасной. Мы не знаем, кто приложил руку к исчезновению Чингиза и куда он пропал. И, скорее всего, кому-то может очень не понравиться, когда ты начнешь выяснять это.

– Но Максим не может лететь завтра, а тянуть мы не можем.

– Ты права: тянуть нельзя. Я полечу с тобой.

– Ты?! – Наргиз едва не поперхнулась от удивления. Максима также выглядел ошеломленным.

– А почему это вас так удивляет? – сухо произнес Амир. – Чингиз такой же друг мне, как и вам. Возможно, вы знаете его дольше, чем я, но он один из немногих людей, которых я искренне уважаю и люблю. Неужели вы думаете, что я останусь в стороне, когда с ним стряслась беда? Если так, то плохо же вы меня знаете.

– Нет, я так не думала, но твоя депутатская деятельность...

– Ничего не случится, если я на пару недель покину свой рабочий кабинет.

На следующий день друзья встретились вновь, и Амир сообщил, что уже поставил в известность спикера парламента

о том, что уезжает на несколько дней в США.

– Спикер знает о цели моей поездки и посоветовал мне оформить командировку. В качестве депутата парламента, считает он, у меня будет больше возможностей, чтобы отыскать друга.

Наргиз кивнула в знак согласия.

– Было бы неплохо, если бы и я полетела в США в качестве корреспондента теленовостей. К сожалению, это невозможно.

– У меня не было времени поговорить с Артемом Богонаровым и попросить его отпустить тебя. Но мне, как человеку, плохо владеющему английским, требуется переводчица.

– Но ты прекрасно говоришь по-английски, – удивилась Наргиз.

– Будем считать, что это не так. Ты будешь моей переводчицей. Все нужные документы я оформил, виза получена, билеты заказаны. Мы летим сегодня в три часа дня.

– А как насчет гостиницы?

– Мы остановимся в том же отеле, что и Чингиз. Возможно, нам удастся кое-что там выяснить.

– У нас мало времени, – Наргиз посмотрела на часы. – Я уже собрала вещи, но мне еще нужно завершить кое-какие дела. Встретимся в аэропорту.

Наргиз шагнула было к двери, но ее остановил голос Максима, до сих пор молча слушавшего их.

– Вам понадобятся деньги, и, возможно, немалые. Вот вам кредитные карточки, вы сможете снять с них столько денег, сколько потребуется.

В другое время и при других обстоятельствах Наргиз, не раздумывая, отказалась бы взять кредитку. Она была очень щепетильна в финансовых вопросах и всегда рассчитывала только на собственный карман, но сейчас был не тот случай. Она протянула руку, и кредитка перекочевала в ее сумочку. Амир даже не пошевелился, чтобы взять вторую карточку: он был достаточно состоятелен, чтобы самому оплачивать предстоящие расходы.

– Я знаю, что ты не нуждаешься в деньгах, но все же... – Максим подвинул карточку к другу.

Амир был богат. До того, как стать депутатом, он владел крупной строительной компанией. Сейчас ею руководил его друг и партнер Виктор Дежнев, но Амир не оставлял без присмотра компанию, в которой владел большей частью акций.

– Благодарю, – сухо отозвался он, – но я как-нибудь обойдусь без твоей финансовой поддержки.

Максим не стал настаивать и теперь вместо кредитки придвинул к Амиру белый конверт.

– Здесь вся информация о человеке, с которым должен был встретиться Чингиз: его имя, фамилия, адреса, по которым он живет и работает, и так далее. – Проводив Амира и Наргиз до двери, он добавил: – Я буду в аэропорту в час дня.

Наргиз примчалась в аэропорт, когда регистрация уже началась. Пройдя все необходимые процедуры, они отправились в зал ожидания. Максим выглядел подавленным. Обычно спокойный, уравновешенный, он не мог скрыть своей тревоги и недовольства. Вместо Караханова должен был лететь он. Его почему-то раздражал тот факт, что Наргиз летит в Нью-Йорк вместе с Амиром. Он понимал, что это глупо – сейчас он должен думать только о том, как поскорее найти друга, но ничего не мог с собой поделать.

– Господи, как же я не хочу отпускать тебя! – не выдержав, проговорил он, привлекая Наргиз к себе. – Я боюсь, что с тобой случится что-то непоправимое и мы больше никогда не увидимся.

Она успокаивающе коснулась его груди.

– Ну что ты, Максим, что за странные мысли бродят у тебя в голове? Я не думаю, что в Нью-Йорке мне будет грозить какая-нибудь опасность. И потом, со мной Амир.

– Надеюсь, он удержит тебя от необдуманных шагов, не позволит понапрасну рисковать.

Не отпуская ее, он повернулся к Караханову:

– Береги ее, Амир.

Тот ничего не ответил, только кивнул головой.

Понимая, что Максим хочет остаться с Наргиз наедине, Амир отошел от них и направился к киоску, чтобы купить на дорогу свежие газеты и журналы.

Максим провел рукой по ее темным шелковистым воло-

сам, поправил выбившийся локон. Она услышала тяжелый вздох, который, казалось, шел из самых глубин его души.

– Что, Максим? – тихо спросила она.

– Я боюсь, и сам не знаю, чего.

– Думаешь, с Чингизом произошло что-то страшное?

– Очень надеюсь, что нет. Я боюсь не только за него, но и за тебя.

– Со мной ничего не случится. Обещаю тебе.

Следующие слова он произнес с видимым усилием:

– Я боюсь, не сделал ли я ошибки, оставшись здесь и управляя тобой с Амиром.

– О чем ты? – непонимающе уставилась на него Наргиз.

– Я знаю, что должен сейчас думать только о Чингизе, но не могу. Я думаю о тебе, себе и... Амуре. – Его пронзительно-синие глаза потемнели от нахлынувших чувств. Она подняла руку, успокаивающе дотронулась тонкими длинными пальцами его щеки, четко очерченных губ.

– Да что ты, Максим! – Она ласково улыбнулась ему.

Он взглянул в ее темно-вишневые глаза и почувствовал, что голова его слабеет и начинает бешено кружиться, ему вдруг показалось, что он падает с огромной высоты, и это было долгое падение, безрассудное, опьяняющее. Привел его в себя голос Амира, в котором ему вдруг померещилась насмешка.

– Извините, если помешал, но нам пора идти.

Наргиз отпрянула от Максима. Взгляд, которым тот на-

градил Амира, никак нельзя было назвать дружелюбным. На Амира это, однако, не подействовало. Он подхватил сумку Наргиз и направился к стойке, где стояла тоненькая девушка в синей форме.

– До свиданья, Максим, – стала прощаться Наргиз.

– До свиданья. Я прилечу в Нью-Йорк при первой возможности.

Он снова притянул ее к себе, крепко обнял.

– Береги себя! – повторил он. – Я не переживу, если с тобой что-то случится.

Он наклонился, поцеловал ее в губы и резко отпустил, не сводя с нее потемневших глаз.

Поддавшись чувствам, Наргиз обняла его за шею, приподнялась на цыпочки и вернула ему поцелуй. Он едва не задохнулся, снова прижал к себе, не желая отпускать ее, расставаться с ней.

– Я должна идти, Максим.

Она в последний раз взглянула на него и зашагала к Амиру, который терпеливо дождался ее, стоя в хвосте небольшой очереди тех, кто, как и они, летел в Нью-Йорк.

– Кажется, еще немного, и Максим вытолкает меня из очереди и полетит вместо меня.

В голосе Амира ей послышалось поддразнивание, и это ей не понравилось.

– Они с Чингизом как братья, – сухо отозвалась она. – Представляешь, каково ему оставаться здесь, зная, что

с Чингизом что-то случилось, а он ничем не может помочь.

– Здесь не только это, – спокойно молвил Амир. – Он не хочет, чтобы ты летела со мной, именно со мной. Он ревнует.

Наргиз вспыхнула, яркий румянец покрыл ее щеки, шею. Чтобы скрыть смущение, она принялась рыться в сумке.

– Тебе показалось, – пробормотала она, не поднимая головы.

– Нет, не показалось, – тихо рассмеялся ее спутник. – Если бы ты видела, как он смотрел на меня. Он ревнует и не может этого скрыть.

– И напрасно! – слова прозвучали неожиданно резко. – У него нет никаких оснований для ревности. Как только вся эта история закончится и мы вернемся в Москву, я и Максим поженимся.

– Вот как! – он с любопытством посмотрел на нее. – И когда ты приняла это решение?

Она молчала, и он задал еще один вопрос:

– А Максим знает об ожидающем его счастье?

Наргиз наградила его свирепым взглядом и, не ответив, шагнула вперед и протянула документы очередному проверяющему.

Перелет предстоял долгий, но Наргиз никак не могла заснуть, продолжая размышлять о том, с чего они начнут свои поиски. Амир тоже не спал, он просматривал последний номер «Нью-Йорк таймс», причем так внимательно, словно пытался отыскать в нем что-то очень важное для себя.

– Что интересного пишут мои зарубежные коллеги? – вяло поинтересовалась она. Ее это нисколько не волновало, но она хотела отвлечься от тяжелых мыслей, снедавших ее.

– О встрече большой «восьмерки» в Санкт-Петербурге, о войне в Ираке, независимости Косово, о системе ПРО в Европе. Тебе интересно?

– Нет, – призналась она. – Я не могу думать ни о чем, все мысли о Чингизе. Что могло с ним случиться? Куда он пропал?

– Без толку пытаться сейчас ответить на эти вопросы. Постарайся отвлечься. Скоро принесут ужин. Поешь хорошенько. Уверен, ты с утра ничего не ела.

– Весь день маковой росинки во рту не было, – подтвердила она, – даже позавтракать не успела.

– Сумасшедшая, – мягко укорил он ее. – Голова еще не кружится от голода?

Она отрицательно мотнула головой, сказав, что легко переносит голод и может спокойно обходиться без пищи два-

три дня. Однако поданный через полчаса роскошный ужин она съела до последней крошки. Амир с удовольствием наблюдал за тем, как она ест.

– Поможешь мне? – предложил он. – Я не осилю всего этого.

Наргиз колебалась недолго и позволила ему переложить на свой поднос упакованные в серебристую фольгу нарезанные кусочки колбасы, ветчины, французского сыра, булочку с маком, плитку швейцарского шоколада.

– Вкуснотища! – проговорила она, отправляя в рот большой квадратик легкого пористого шоколада. – Спасибо, что поделился с другом последним куском.

– Ну, предположим, кусок был не последним, – во взгляде, устремленном на нее, заплясали веселые смешинки. – Я чуть не забыл, что серое вещество в твоем мозгу работает только на сытый желудок. Придется мне проследить, чтобы ты ела вовремя и досыта. Твои мозги нам еще понадобятся.

При напоминании о том, зачем они летят в Нью-Йорк, у нее сразу испортилось настроение. Он заметил это и проворчал какое-то ругательство.

– Что ты сказал? – наклонилась она к нему.

– Ничего. А теперь постарайся заснуть. Неизвестно, когда тебе удастся хорошенько выспаться. Да и сегодняшней день был не из легких.

Она послушалась, положила голову ему на плечо и через несколько минут спала крепким сном. Амир разбудил ее пе-

ред самой посадкой.

В аэропорту Кеннеди пожилой афроамериканец подобрал упавшие с круговой ленты чемоданы и возвратил их на прежнее место. Из-за большого числа внеплановых рейсов багажная лента была сильно перегружена. Наргиз смотрела на груды самых разнообразных дорожных сумок, ища глазами свой. Она и Амир летели первым классом, и их вещи должны были выгрузить первыми. Получив, наконец, свой багаж, они отправились к стоянке такси.

Наргиз не раз доводилось видеть Манхэттен в кино или на фотографиях в журналах, но то, что она увидела из окон мчавшегося автомобиля, не могло ее не поразить. Потoki людей на широких улицах, бесконечная вереница машин, несущихся с дикой скоростью. Небоскребы, угрожающе обозначившиеся в наступающих сумерках, стекло, бетон, сталь... И все это как будто надвигается на людей, подавляет, заставляет чувствовать себя лилипутом, живущим в каком-то нереальном мире. Обитатели Нью-Йорка наверняка так не думают, мысленно усмехнулась Наргиз. Они давно ко всему привыкли и перестали удивляться мощи этого города.

Чернокожий таксист довез их до отеля «Плаза», находящемся на перекрестке Пятой авеню и Восточной 59-й улицы. Двумя неделями раньше здесь остановился Чингиз. Не выходя из машины, Наргиз окинула быстрым взглядом красивое старинное здание, окна которого в это время суток были ярко освещены.

– Отель, как и следовало ожидать, пятизвездочный. Статус Чингиза не позволяет ему селиться в гостиницах с меньшим количеством звездочек. Во сколько же нам обойдется проживание здесь?

– Пусть это тебя не волнует. Ты забыла, что мы в служебной командировке? Наше проживание в отеле «Плаза» оплачивается из государственной казны.

– И это тебя нисколько не беспокоит? – ее глаза весело блеснули. – Мы используем деньги налогоплательщиков в личных целях.

– Во-первых, – открывая дверцу и выходя из такси, заявил Амир, – в Нью-Йорке у меня есть кое-какие дела, относящиеся непосредственно к моей депутатской деятельности. Во-вторых, мы приехали сюда не веселиться, а искать пропавшего человека, причем не какого-нибудь иностранца, а российского гражданина.

– Будем считать, что ты меня убедил, – произнесла Наргиз.

Молодой человек в форменной одежде уже вытаскивал из багажника их вещи. Сопровождаемая Амиром, она торопливо взбежала по ступенькам к двухстворчатой двери с бронзовыми ручками. Проходя мимо швейцара, который распахнул перед ней дверь, она вежливо кивнула ему и пересекла оживленный холл, направляясь к стойке администратора.

Заселение в отель заняло минут пятнадцать. Заполнив все необходимые бланки, Наргиз подошла к портье и, стараясь

скрыть волнение, спросила, не проживает ли в отеле Чингиз Салихов из Москвы. Портье, мужчина средних лет с бледным худым лицом и тонкой щеточкой черных усов, взглянув в журнал, медленно покачал головой.

– Извините, миссис, но человек с таким именем у нас не значится.

– То есть как? – воскликнула Наргиз. Неужели Чингиз выселился из отеля? Ведь точно известно, что он заселился сюда чуть более двух недель назад. От волнения у нее даже пот выступил над верхней губой.

– Извините, мистер...

– Джон Хэмптон, – подсказал портье.

– Извините, мистер Хэмптон, – повторила Наргиз, – Салихов наш друг, – она кивнула в сторону Амира, направляющегося в этот момент к ней. – Насколько мы знаем, он заселился в отеле «Плаза» пару недель назад.

Портье снова взглянул в журнал, лежащий перед ним.

– Вы не ошиблись, миссис. Мистер Салихов приехал пятнадцатого числа. Номер, в котором он проживал, был оплачен на две недели вперед. Четыре дня назад этот срок истек.

– Вы хотите сказать, что ваш постоялец выселился четыре дня назад?

У нее еще теплилась надежда, что с Чингизом ничего не случилось и их страхи были напрасны, но ответ портье не оставил ей никакой надежды.

– Нет, он не выселился. Мистер Салихов исчез за несколь-

ко дней до этого. Он до сих пор не вернулся за своими вещами, и, чтобы освободить номер для новых гостей, мы вынуждены были вынести их оттуда.

– Значит, вы не видели его последние дни?

– Нет, не видел.

– Неужели вас не насторожило, – вставил Амир, – что ваш постоялец – иностранец, кстати, – не появлялся в отеле несколько дней и даже не вернулся за своими вещами?

– Конечно, насторожило. Служба безопасности отеля занималась этим делом, но ничего подозрительного не обнаружила. В его вещах также не найдено ничего интересного – ни одной бумаги или документа, которые подсказали бы, где его искать.

То же самое подтвердил начальник службы безопасности отеля, к которому они отправились не мешкая.

– Мы решили, – сказал высокий плотный мужчина с холодным взглядом серо-голубых глаз, – что мистер Салихов изменил своим планам и уехал куда-нибудь еще, не посчитав нужным известить нас об этом.

– Почему вы так решили? – жестко спросила Наргиз. – Потому что вам так удобно? Но Салихов не импульсивный мальчишка, который не знает, что сделает в следующую минуту. Он крупный банкир, а банкиров, как известно, отличают сдержанность, пунктуальность и ответственность. Салихов, насколько мне известно, постоянный ваш клиент: он останавливается у вас каждый раз, когда приезжает в Нью-

Йорк, и вы должны были знать, что он не станет исчезать внезапно, оставив в номере свои вещи. Он хотя бы позвонил, если не мог по каким-то причинам прийти за ними.

Лицо начальника службы безопасности сделалось озабоченным.

– С мистером Салиховым что-нибудь случилось?

– Мы не знаем, – включился в разговор Амир. – Он должен был вернуться в Москву три дня назад, но уже более недели о нем ни слуху ни духу.

– Вы заявили о его исчезновении?

– Нет. Еще нет. Мы прилетели в вашу страну час назад и пытаемся отыскать его следы.

– Вам следует связаться с российским консульством и обратиться в полицию.

– Мы так и сделаем, – заявил Амир, – но сначала... Мы можем взглянуть на его вещи?

На лице американца отразилось колебание.

– Я бы хотел узнать, кем вы приходитесь мистеру Салихову.

– Мы его друзья.

Некоторое время американец внимательно изучал человека, стоящего перед ним. Харизматическая внешность Караханова неизменно внушала уважение и даже почтение.

– Как к вам обращаться?

– Амир Караханов. Можно просто конгрессмен.

– А вы действительно конгрессмен?

Амир улыбнулся и слегка кивнул. Начальник службы безопасности не усомнился в его словах и не стал требовать доказательств. Через несколько минут им принесли небольшой чемодан, который принадлежал Чингизу. Амир открыл его и быстро перебрал вещи. Ничего, что позволило бы продвигнуться вперед в поисках их хозяина. Дорогой костюм темно-серого цвета, пара рубашек, галстук, белье, носки, одеколон, электробритва... Обычный набор предметов человека, уезжающего на несколько дней в командировку. Амир закрыл чемодан и вернул его администратору отеля.

Прощавшись, они поднялись к себе на пятый этаж. Настроение было подавленным.

– Не вешай нос, – посоветовал Амир, остановившись возле номера Наргиз. – Ты же не ожидала найти его так скоро, так что не делай поспешных, ни на чем не основанных выводов.

– Ладно, не буду.

Ее чемодан успели распаковать. Она без особого интереса оглядела номер. Стандартный набор мебели, но все очень стильно, красиво, уютно. Она приняла контрастный душ, пытаясь смыть с себя усталость этого длинного дня. Через час появился Амир и пригласил ее поужинать в ресторане, но она отказалась, сославшись на усталость: завтра им предстоит трудный день, и ей хочется немного поспать.

Они встретились рано утром и за завтраком в ресторане отеля составили план своих действий на предстоящий день.

Амир настаивал на том, чтобы они сразу обратились в полицию, но Наргиз считала, что для начала необходимо навестить Майкла Фазэrsa. Дальнейшие их действия будут зависеть от того, что тот им скажет. Подумав, Амир согласился с ее доводами.

Компания, которой владел Майкл Фазэрс, занимала почти весь этаж одного из небоскребов на Манхеттене. Судя по обстановке, дела у него шли неплохо. Приемная, в которой восседала женщина средних лет с худым умным лицом, была обставлена роскошно, но со вкусом. Оторвавшись от бумаг на столе, женщина внимательно посмотрела на посетителей.

– Нам к мистеру Фазэрсу, – взял на себя инициативу Амир.

Наргиз надеялась, что в это раннее утро Фазэрс находится на работе, и не ошиблась. Однако он был занят, а на десять часов у него было назначено совещание.

– Простите, но мы не можем ждать, – настойчиво проговорил Амир. – Полагаю, что мы не отнимем у него много времени.

– Кто вы? Как вас представить?

По лицам посетителей она опытным глазом определила, что они не случайные посетители и у них важное дело, но эти двое не были записаны на прием, не поставили в известность о своем визите заранее, и Фазэрс имел все основания их не принять.

– Наши имена ему ничего не скажут. Передайте мистеру Фазэрсу, что мы друзья Чингиза Салихова.

При этом имени помощница Фазэрса сразу напряглась.

Она быстро встала и скрылась за дверью, ведущей в кабинет владельца компании. Не прошло и полминуты, как она вернулась и попросила посетителей пройти в кабинет.

В большой светлой комнате, в которой, как автоматически отметила про себя Наргиз, поработал хороший дизайнер, им навстречу поднялся мужчина лет пятидесяти. Она не сомневалась, что владелец этого кабинета имеет прямое отношение к исчезновению Чингиза, и мысленно нарисовала себе портрет мужчины отталкивающей наружности с бегаящими глазками, крючковатым носом, тонкими бесцветными губами и мелкими хищными зубами. Но Фазэрс оказался импозантным мужчиной с крупным породистым лицом, седеющей пышной шевелюрой, широким подвижным ртом и крепким сухим рукопожатием. Наргиз незаметно улыбнулась. Правильно, Чингиз не стал бы вести каких-либо дел с тем господином, портрет которого она мысленно нарисовала себе, тем более одалживать ему крупную сумму денег. С другой стороны, за респектабельной наружностью мог скрываться холодный и беспощадный циник. Ей ли не знать, как внешность может быть обманчива?

– Мне сказали, что вы друзья Чингиза Салихова, – заговорил первым хозяин кабинета, когда посетители представились и сели в предложенные им кресла.

– Хорошо что вы не делаете вид, будто не знаете никакого Салихова, – подбросила первый пробный шар Наргиз. Фазэрс изумленно посмотрел на нее.

– Почему я должен утверждать, что не знаком с мистером Салиховым? Мы знакомы много лет, у нас общие дела.

– В таком случае, может, вы подскажите, где он сейчас находится? – пошла она в атаку.

В темно-серых глазах Фазэrsa промелькнуло беспокойство.

– Почему я должен знать, где он находится?

– Потому что он прилетел в Нью-Йорк для встречи с вами и исчез, – вступил в разговор Амир.

Удивления на лице Фазэrsa не было, но и страха, растерянности тоже. Либо он прекрасный актер, либо ничего не знает. Но в последнее Наргиз верить не хотелось.

– Мистер Салихов действительно приехал в Нью-Йорк, чтобы увидеться со мной и обсудить один очень важный для нас вопрос. Мы с ним виделись, причем не раз. Не скрою, у нас возникли некоторые разногласия, и понадобилось больше недели, чтобы мы договорились по всем пунктам. Переговоры проходили долго и трудно, но в конце концов мы пришли к соглашению, удовлетворяющему обе стороны.

– Итак, вы утверждаете, что договорились с ним?

– По всем основным пунктам, как я уже сказал.

– Вы можете это доказать?

Лицо хозяина кабинета сделалось озабоченным.

– Мы успели подписать не все документы. Некоторые находятся на доработке. Мои юристы работают над ними. Точнее, они закончили над ними работу, и осталось только под-

писать их.

– Когда они должны быть подписаны?

– Мистер Салихов сказал, что задержится в Нью-Йорке столько, сколько понадобится.

– Когда вы виделись в последний раз?

– Больше недели назад.

– А если точнее?

– Дней восемь-девять назад.

– И вас нисколько не встревожило, что Салихов не появляется, не звонит, будто в воду канул?

– У него могли быть в Нью-Йорке и другие дела. Мы договорились, что я свяжусь с ним, как только документы будут готовы для подписания.

– Вы сказали, что они готовы.

– Да, готовы. Еще три дня назад я позвонил ему, чтобы назначить встречу, но он не отозвался. Я звонил и на мобильный, и в отель, но не смог его найти.

– И это вас не беспокоило?

– Беспокоило, но не сильно. Мало ли по каким причинам молодому красивому мужчине не хочется, чтобы его разыскали.

– Вы намекаете, что Салихов... ударился в разгул?

– Я ни на что не намекаю. – Фазэрс откинулся на спинку кресла и усталым движением сжал виски.

Какое-то время в кабинете царил молчание, прерванное заявлением Наргиз.

– Я вам не верю. Вы не могли быть не обеспокоены исчезновением Салихова. Если только сами не приложили к этому руку.

– Что?! – пальцы, потиравшие виски, замерли.

– Насколько я в курсе ваших дел, документы, которые должен был подписать Салихов, очень важны для вас. Речь ведь идет об очень большой сумме денег.

– Это коммерческая тайна.

– Уже не тайна. Исчез человек. Исчез в то время, когда велись важные переговоры, когда от его решения зависело, потеряете вы свои акции нефтяной компании, будете объявлены банкротом или вам дадут передышку, время, чтобы вы смогли собрать деньги.

– Я вижу, вы много знаете.

– Неужели вы думаете, что Максим Володарский, которого нет нужды вам представлять, станет что-либо скрывать, когда речь идет о жизни его лучшего друга и партнера?

– У вас нет никаких оснований обвинять меня в исчезновении Салихова.

– Почему же? – с напускной невозмутимостью произнесла Наргиз. – У вас был мотив. Почему мы должны верить, что вам удалось достигнуть компромисса? Может, Салихов счел, что одного раза достаточно – он ведь уже однажды отстрочил срок платежа на полгода, – и потребовал расплатиться сполна? Так, скорее всего, и было. Однако вас такое решение не могло устроить, и единственный выход, который вы

усмотрели, – убрать своего кредитора.

Наргиз впила глаза в Фазэрс. Как он отреагирует на ее обвинение? Нет, испуга на лице никакого, но он был явно встревожен.

Хозяин кабинета, попросив разрешения, нервно закурил сигарету, не докурив, раздавил ее в пепельнице и тут же закурил следующую.

– Это ни к чему не привело бы, – медленно произнес он. – Мне нужна его подпись под документами, и ни временное исчезновение, ни смерть мистера Салихова для меня не желательны.

– Это как сказать! Вы не можете не знать, что право подписи под всеми документами, в том числе и под вашими, в отсутствие Салихова имеет вице-президент «Эконом-банка» Максим Володарский. Вы могли решить, что если не Салихов, то он согласится пойти вам навстречу и еще раз продлить срок платежа.

– С какой стати он стал бы это делать?

– Скажем, вы намеревались подкупить его, предложив энную сумму денег.

Фазэрс с искренним любопытством посмотрел на нее.

– А что, Максима Володарского так легко купить?

– Нет, но вы ведь могли этого не знать. Раз вы вели какие-то дела в Москве, значит, сталкивались с российскими чиновниками, бизнесменами и знаете, как легко они продаются. Все дело в цене: одни продаются за большую, другие –

за меньшую сумму.

– У вас сложилось превратное мнение обо мне.

– Я вас совершенно не знаю, мистер Фазэрс.

– В таком случае вы не имеете права обвинять меня в чем-либо.

– Я не обвиняю вас. Я высказываю свои предположения.

И, согласитесь, мои подозрения имеют под собой почву. Речь идет о миллионах долларах, и если Салихов исчез, то это не может не быть связано с этими деньгами.

Фазэрс некоторое время сидел в задумчивости, потом, погасив сигарету, проговорил:

– Мне понятны ваши доводы, миссис Велиханова. И будь я на вашем месте, я выдвинул бы такую же гипотезу. Я понимаю, что мои заверения о непричастности к исчезновению вашего друга ничего для вас не значат. Тем не менее, я заявляю, что не имею к этому никакого отношения. Ищите в другом месте. Возможно, с ним произошел несчастный случай, и он лежит в беспомощности в какой-нибудь клинике. Почему вы не рассматриваете такой вариант?

– Это неправдоподобно. У Салихова при себе были документы, мобильный телефон. Если бы он попал в больницу, врачи немедленно связались бы с российским посольством.

– Его могли ограбить, забрать деньги, документы, телефон, – предположил Фазэрс. – Иностранцы не знают, насколько опасно прогуливаться по некоторым улицам Нью-Йорка в ночное время. Впрочем, не только в ночное.

– Неужели вы не предупредили своего гостя об этом? – с иронией проговорила Наргиз. Фазэрс бросил на нее тяжелый взгляд.

– Мне нечего вам больше сказать, – заявил он, вставая с места и давая понять, что разговор закончен. – Найдите Салихова. Живым или мертвым. Лучше живым. Я заинтересован в этом так же, как и вы. Если понадобится моя помощь, я к вашим услугам. Но слышать обвинения в свой адрес я больше не намерен.

Наргиз почти с ненавистью посмотрела на американца.

– Вам придется их услышать, и, уверяю вас, не раз. Сейчас мы отправимся в полицию и официально заявим об исчезновении на территории США российского гражданина Чингиза Салихова. Думаю, полицию заинтересуют подробности договора, который вы должны были с ним заключить.

Темно-серые глаза хозяина кабинета вспыхнули недобрым огнем.

– Я повторяю еще раз: я не имею никакого отношения...

– Я это уже слышала, – не дала ему договорить Наргиз. – Скажете об этом полиции и фэбээровцам.

Она заметила, как напрягся хозяин кабинета. Желваки заходили на скулах, большие сильные пальцы сжались в кулак. Наргиз возблагодарила Бога, что рядом с ней Амир. Не будь его, неизвестно, чем бы завершился этот разговор.

– Уходим, – по-русски прошептала она и, не прощаясь, первая выскользнула из кабинета.

Амир замешкался на минутку.

– Мы очень обеспокоены исчезновением нашего друга, и только этим объясняется то, с каким рвением и яростью моя спутница набросилась на вас. Не судите ее строго. До свиданья, мистер Фазэрс. – Он протянул руку хозяину кабинета, и тот явно неохотно пожал ее.

Наргиз ждала его в приемной. Они молча прошли по коридору, дождались лифта и спустились вниз. Только на улице Амир вздохнул спокойно.

– Ты довела его до белого каленья, – невесело рассмеялся он, беря ее под руку.

– Поделом ему! – Наргиз безразлично пожала плечами.

– А если он на самом деле ни при чем?

– Ни при чем он не может быть по определению. Даже если исчезновение Чингиза – дело не его рук, ему не изменить того факта, что тот пропал, когда прилетел на переговоры с ним. Если бы наш друг не оказался здесь, с ним ничего не случилось бы.

– Что будем теперь делать? – поменял он тему разговора.

– Поедем в консульство, а потом в полицию, как и намеревались.

Фазэрс стоял у окна своего кабинета и наблюдал, как высокий мужчина в сером плаще и темноволосая женщина сели в машину. Когда автомобиль скрылся из вида, он задумчиво отвернулся от окна и рассеянно смахнул с плеча пиджака невидимую пылинку.

Который раз за этот день Наргиз порадовалась тому, что не одна, что рядом с ней Амир. Удостоверение российского конгрессмена открывало им двери всех кабинетов. Уже через полтора часа они разговаривали с российским консулом и еще через два часа – с капитаном Алексом Сэндером, который внимательно выслушал все, что они говорили. Потом они писали заявление и отвечали на множество вопросов, которые им задавали капитан и еще двое полицейских, пришедших тому на помощь. Капитан с особым интересом слушал все, что было связано с целью приезда Салихова в Нью-Йорк. Наргиз не стала ничего утаивать от офицеров полиции. Ее не заботили неприятности, которые в результате получит Майкл Фазэрс. Главным для нее было найти Чингиза. Она поделилась с капитаном своими подозрениями насчет участия Фазэрса в исчезновении Чингиза, и тот отнесся к ее словам с должным вниманием. Когда все вопросы к ним были исчерпаны, она в свою очередь поинтересовалась, с чего полиция собирается начать поиски.

– Допросим служащих отеля и владельца компании «Фазэрсэнтерпрайз» Майкла Фазэрса, – охотно ответил капитан, – и параллельно начнем обзванивать все больницы, изучать сводку обо всех несчастных случаях, происшедших за последние десять дней.

Последующие за этим дни стали самыми тяжелыми в жизни Наргиз. Больницы, морги, выезды на место происшествия, где обнаружены трупы мужчин, по описанию похожих на Чингиза... От вида разлагающихся обезображенных тел мутило, она не могла есть, пить, перестала спать. Ко всему этому прибавился страх, что в очередной раз она увидит мертвое тело Чингиза. Наргиз была как натянутая пружина, еще чуть-чуть – и сломается. Уже через неделю она думала, что больше не выдержит, ее силы были на исходе. Амир держался лучше, но и для него не прошли бесследно дни, с утра и до самого вечера заполненные посещениями моргов и больниц. Он как-то весь посерел лицом, стал много курить. По ночам ему снились кошмары, и он просыпался весь в поту и больше не мог заснуть.

На восьмой день, когда они готовились спуститься в ресторан, чтобы позавтракать, в гостиничном номере Амира раздался телефонный звонок. Он поднял трубку и услышал голос капитана Сэндера.

– Доброе утро, мистер Караханов.

– Надеюсь, оно действительно доброе, капитан, и новости на этот раз будут хорошие.

– Боюсь, что нет, – раздалось в ответ. – Мы нашли вашего друга.

Амир замер, боясь поднять глаза на Наргиз, тревожно следящую за каждым его движением. Он так сжал в руке телефонную трубку, что удивительно, что она осталась цела,

а не переломилась пополам.

– Он мертв, – продолжал говорить капитан. – И уже давно, больше двух недель.

– Почему вы думаете, что это он? Возможно, произошла ошибка.

– Никакой ошибки быть не может. Мы нашли его документы. Тем не менее, нужно, чтобы вы опознали тело. Когда вы сможете подъехать?

– Прямо сейчас.

Капитан сказал, где в данный момент находится, и подробно объяснил, как к нему доехать. После короткой паузы он выразил свое сожаление, причем голос его звучал неподдельно искренне, и отключился.

Амир еще долго держал в руке трубку, не решаясь взглянуть на Наргиз. Но достаточно было увидеть выражение его лица, чтобы догадаться, что случилось.

– Чингиз? – прошептала она побелевшими губами.

Он молча кивнул. Наргиз почувствовала, как застучало в висках, глазам вдруг стало больно смотреть. Она зажмурилась и, чтобы унять боль, стиснула голову ладонями.

– Тебе лучше сесть, – услышала она словно издалека голос Амира, но не сдвинулась с места. Силы полностью оставили ее, и, если бы Амир не поддержал ее, оказалась бы прямо на полу. Он бережно усадил ее в кресло, принес стакан холодной воды, сел рядом и заставил выпить.

Она медленно приходила в себя. Нет, это неправда! Это

не может быть правдой! Все, что угодно, только не это! И почему они решили, что это он? Последние слова она произнесла вслух.

– Они нашли его документы.

Наргиз побледнела еще больше, но не хотела сдаваться.

– Это ровным счетом ничего не значит. Документы могли подбросить. – Она хваталась за соломинку, и Амир решил не убивать в ней надежду.

– Возможно, так и есть. —

Он взял со спинки стула пиджак и направился к двери.

– Куда ты? – встрепенулась Наргиз.

– На опознание, – с запинкой ответил он и быстро добавил: – Тебе лучше остаться. Я скоро вернусь.

– Нет, – мотнула она головой, – я с тобой.

Амир попытался возразить, но она не позволила.

– Я не смогу остаться здесь, я сойду с ума от неведения.

В машине, взятой Амиром напрокат еще неделю назад, Наргиз попыталась взять себя в руки и почти спокойным голосом спросила:

– Мы едем в морг?

– Нет, тело обнаружили час назад на какой-то стройке. Мы едем туда.

Амир положил руки на руль, включил двигатель, зажег фары, потом отпустил ручной тормоз, отжал сцепление – то есть, наверное, проделал все это, хотя не осознавал ни единого движения. Но машина тронулась. Он не очень хоро-

шо ориентировался в огромном Нью-Йорке и пожалел, что не взял такси. Им понадобилось больше часа, чтобы добраться до строительной площадки, обнесенной высоким забором. Здесь уже стояли полицейские машины, машина скорой помощи. Сразу по другую сторону забора их встретил капитан Сэндер.

– Мне очень жаль, – произнес он, пожимая руку Амиру. Наргиз он приветствовал легким кивком головы. Прежде чем шагнуть к недостроенному многоэтажному зданию, на первом этаже которого толпились люди, он тихо, с сомнением глядя на бледное, бескровное лицо молодой женщины, проговорил:

– Я хотел вас предупредить... Тело сильно обезображено, видимо, от него пытались избавиться. Верхняя часть тела сильно обгорела. А если учесть, что смерть наступила больше двух недель назад...

Наргиз судорожно сглотнула, но нашла в себе силы проследовать за капитаном. Откуда-то, словно из воздуха, материализовался крупный седой мужчина в белом халате. Подойдя к носилкам, он одернул простыню, и она не сдержала крика.

Верхняя часть тела, лицо, шея и руки мужчины обуглились до черноты, и признать в этом черном обгоревшем трупе живого, красивого Чингиза было просто невозможно.

– Нет, это не он! – вскрикнула она.

Амир молчал, потрясенный увиденным.

– Вы в этом уверены? – тихо спросил капитан. – Взгляните на его одежду, обувь.

Наргиз перевела взгляд со страшного лица на ноги и качнулась. Она узнала эти туфли. Она сама выбирала их вместе с Чингизом в дорогом бутике. Тонкие, словно из папирусной бумаги, они сразу привлекли ее внимание, но она ужаснулась, узнав их цену. Однако Чингиза четырехзначная цифра в долларах нисколько не смутила. «За хорошую обувь никаких денег не жалко», – заявил он и, не раздумывая, выложил кругленькую сумму. Это, несомненно, были те самые туфли. Джинсы фирмы «Ли» она тоже узнала. Он всегда покупал джинсы этой фирмы.

– Он носил часы от Картье, – непослушными губами произнесла она.

Капитан покачал головой.

– Часов на руке не было.

– Он никогда не снимал их.

– В таком случае можно предположить, что убийство совершено с целью ограбления. Часы, деньги... В кармане брюк не обнаружено ни денег, ни кредитной карточки.

Наргиз плохо соображала в этот момент, но догадалась сказать:

– Куртка. На нем должна была быть куртка. Или плащ. Он слишком легко одет для этого времени года.

Сэндер кивнул:

– Чуть не забыл. Мы обнаружили куртку в десяти метрах

от трупa. Сейчас ее принесут.

С все возрастающим ужасом Наргиз глядела на куртку, которую нес в руках молодой полицейский. Она узнала бы ее из тысячи. Черная, из тонкой, прекрасно выделанной кожи, великолепно сшитая, она очень шла высокой стройной фигуре Чингиза. Он привез ее из последней поездки в Турцию и хвастался, что она досталась ему за бесценок. Амир тоже узнал эту куртку. Он видел ее на Чингизе и на вопрос капитана, принадлежала ли она его другу, молча кивнул головой. То же самое Сэндер спросил у Наргиз, но та молчала, невидящим взглядом уставившись перед собой. Вся надежда на то, что и на этот раз произошла ошибка, исчезла. Чингиз умер. Его нет в живых. Эта мысль никак не укладывалась в голове. Нет, этого не может быть! Она почувствовала резкую боль где-то в области солнечного сплетения и согнулась пополам, хватая ртом воздух. Через мгновение к ней уже бежал врач, на ходу доставая шприц, но Амир, в последний момент вспомнив, что Наргиз противопоказаны любые уколы, резко оттолкнул его.

Врач удивленно посмотрел на него.

– Я только...

– Никаких уколов, – не дал ему договорить Амир. – У нее аллергия на лекарства. Если нетрудно, принесите воду, а лучше кофе с бренди.

– Кофе найдется, а вот бренди не обещаю.

Только через два часа Наргиз пришла в себя настоль-

ко, чтобы отправиться в полицейский участок и отвечать на вопросы капитана и появившегося вскоре агента ФБР. В семь часов вечера, измученные, подавленные, они вернулись в отель. Целый день у них во рту не было маковой росинки, и Амир уговорил Наргиз отправиться в ресторан и что-нибудь поесть. Она с трудом глотала пищу, а когда вернулась в свой номер, ее долго и тяжело рвало. Амир не оставлял ее ни на минуту, но, когда часы пробили одиннадцать, она потребовала, чтобы он ушел к себе. Амир повинился, хотя и неохотно. Нельзя, чтобы в таком состоянии она оставалась одна.

Вернувшись к себе, он долгое время сидел в задумчивости, потом вскинул руку, посмотрел на часы, поворачивая циферблат так, чтобы на него упал лунный свет, проникший в комнату сквозь жалюзи. Часы показывали начало первого. Не раздеваясь, он растянулся на широкой кровати и некоторое время прислушивался к звукам из соседнего номера, но там было тихо. Он подумал, что надо позвонить Максиму, взял в руки мобильник, но передумал: не будет он на ночь глядя портить ему настроение. Хотя в Москве, кажется, уже утро. тем не менее, он не станет звонить. Зная, что Максим, звонивший им ежедневно по несколько раз, обязательно позвонит сам, он отключил телефон.

Амир не думал, что сможет заснуть после тех волнений, которые принес этот не лучший день в его жизни, но стоило ему закрыть глаза, как он уснул. Среди ночи он проснулся

от неясного шума и несколько минут тревожно вслушивался в ночные звуки. Нет, кругом было тихо. Наверное, просто показалось. Но стоило ему снова закрыть глаза, как тишину разорвал звон разбитого стекла. Звуки доносились из соседнего номера, и Амир, вскочив с постели, выбежал в коридор. На стук в дверь Наргиз не отозвалась, и ему ничего не оставалось, как, вернувшись к себе, попытаться забраться к ней через балкон. Это оказалось несложно, и через минуту он открывал дверь, ведущую из балкона в ее комнату. Наргиз стояла посреди гостиной, держа в руке какой-то предмет. Он не сразу понял, что это ваза для цветов. Мгновенье спустя фарфоровая вещица причудливой формы полетела через всю комнату и, ударившись об стену, разбилась на тысячу осколков. За вазой последовала пепельница из цветного стекла. Графину с водой повезло больше. Амир успел перехватить ее руку и, с трудом расцепив пальцы, отнять графин.

– Ну что ты, разбудишь всю гостиницу, – пробормотал он, тревожно глядя на нее. В подтверждение его слов, раздался стук в дверь. Не отпуская руки Наргиз, он направился в прихожую, открыл дверь. За ней стояла дежурная по этажу с хмуро сдвинутыми к переносице бровями.

– Из вашего номера раздавался странный шум. Что у вас происходит?

– Ничего страшного, – отозвался Амир. – Просто моя девушка поскользнулась, налетела на шкаф и задела вазу с цветами. Простите, ради Бога, за беспокойство. Мы возместим

все убытки.

Он одарил дежурную по этажу своей самой лучшей улыбкой. Та ушла, бормоча себе под нос:

– Ну уж эти русские! С ними всегда столько хлопот.

Амир вернулся в гостиную и оценил разгром, учиненный Наргиз.

– Тебе здесь нельзя оставаться, еще поранишься. Весь пол усыпан осколками.

Ярость и гнев, душившие Наргиз, внезапно покинули ее. Теперь из нее, казалось, выжали все соки, и она безропотно, с трудом передвигая ноги, двинулась за Амиром. Оказавшись в его номере, она опустилась на стул, заботливо придвинутый им, и сидела без движения, уставившись в одну точку. Некоторое время он наблюдал за ней, потом сел перед ней на корточки, взял двумя пальцами за подбородок и заставил посмотреть на себя. У него тут же возникло неприятное ощущение, что она смотрит не на него, а сквозь него.

– Наргиз! – позвал он ее. Она не шелохнулась, и он повторил: – Наргиз! Наргиз! Ты меня слышишь?

Она словно окаменела, на какой-то миг ему даже показалось, что уже ничто не сможет вывести ее из апатии. Что-то словно умерло в ней, все жизненные силы разом иссякли. Он не мог видеть ее такой. Ему хотелось встряхнуть ее, заставить почувствовать, что несмотря ни на что она жива, что она не должна поддаваться слабости, что сейчас как никогда нужны ее трезвый ум, умение нетривиально мыслить и при-

нимать нестандартные решения.

Ему больно было смотреть на нее. Он знал, как она ценит дружбу, знал о тех удивительно нежных товарищеских отношениях, которые связывали ее с Чингизом, понимал, как тяжело сознавать, что один из самых близких тебе людей мертв, умер страшной, мучительной смертью. Даже ему, мужчине, много повидавшему за свою жизнь, было невыносимо тяжело глядеть на изуродованный труп друга, и он мог только представить себе, что чувствовала она, увидев то, что осталось от некогда поразительно красивого мужчины.

Он знал, что она сейчас чувствует. То же самое происходило с ним, когда он узнал о смерти жены и дочери. В тот момент он сам был готов убить кого угодно, и если бы не Наргиз, неизвестно, каких глупостей он тогда наделал бы. Уж точно убил бы Нагиева, которого подозревал в убийстве Марии и Оли, и, скорее всего, был бы убит сам. А позже он чуть с ума не сошел, узнав, что не может немедленно вылететь в Москву. Он не знал, как переживет те долгие часы, которые оставались до вылета самолета, и снова рядом оказалась Наргиз. Физическая близость с ней тогда не просто спасла его от гибели, но и сохранила разум, спасла от сумасшествия. То была самая странная ночь в его жизни, и он не сказал бы, что хотел повторить ее. Ни с одной женщиной ни до, ни после он не испытывал того, что с ней в ту потрясшую его ночь. Физическая боль странным образом смешалась с чувственностью и страстью и заставила забыть, вытеснить, пусть и на время,

другую боль – страшную боль от потери близких людей.

Сможет ли он помочь ей так же, как и она когда-то помогла ему? И что он должен для этого сделать? Он резко поднялся с корточек, протянул руку и рывком притянул ее к себе. Не давая ей опомниться, он заломил ей руки назад, прижал что есть силы к себе и впился ей в губы грубым, почти свирепым поцелуем. Он застал ее врасплох, но через мгновение она уже брыкалась, пытаясь освободиться, уйти от его жестких губ, от рук, которые срывали с нее одежду. Но он был куда сильнее, и вскоре она устала, ее сопротивление ослабло. Он тоже сменил тактику. Теперь это был самый нежный любовник, который только может быть. Сильные опытные руки обещали блаженство, чувственное наслаждение, а главное – забыть. Этого она сейчас хотела больше всего. Забыться, заснуть и никогда не просыпаться.

Она проснулась с первыми лучами солнца, пробивавшимися через неплотно задернутые шторы, открыла глаза и сразу встретилась с взглядом серых с дымкой глаз. Ее словно ошпарили кипятком, она уткнулась лицом в подушку и глухо простонала:

– Боже мой!

– Не упоминай имя Господа всуе, – пробормотал Амир, и она услышала, как скрипнула кровать. Он встал, неспешно оделся и вышел из комнаты.

Когда она собирала разбросанные по полу одежду, ее пальцы дрожали. Кое-как напялив на себя помятую шелковую блузку и юбку, она вернулась в свой номер. Целый час она простояла под горячим душем, пытаясь вычеркнуть из памяти прошедшую ночь. Господи, что она наделала! И как он мог так поступить с ней! Она была готова убить его, и, когда спустя два часа он постучался к ней, взгляд, которым она встретила его, даже с большой натяжкой нельзя было назвать добрым. Но он не обратил никакого внимания на ее настроение, а спокойным голосом позвал присоединиться к нему и позавтракать. Поколебавшись немного, она двинулась вслед за ним. Они молча стояли рядом в ожидании лифта. Наконец, кнопочка загорелась, дверца лифта бесшумно открылась, и он посторонился, пропуская ее впе-

ред.

Она старалась не смотреть на него, роясь в сумочке так тщательно, словно старалась найти там атомную бомбу. При выходе из кабины он случайно задел ее локтем, и она отпрянула от него. Амир криво усмехнулся:

– И что, теперь ты будешь шарахаться от меня каждый раз, когда я дотронусь до тебя?

Она судорожно сглотнула и не ответила. Рядом отворились двери другого лифта, и наружу выбралась шумная ватага молодых людей. Один из них, заметив бледное напряженное лицо Наргиз, неожиданно спросил:

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

Она через силу улыбнулась и отрицательно покачала головой. Амир схватил ее за руку и повел подальше от любопытных глаз. Оказавшись в укромном месте, он заставил ее посмотреть на себя.

– Наргиз, давай сразу поставим все точки над «і». Прошедшая ночь не изменит ничего в наших отношениях. То, что произошло, ни к чему нас не обязывает. И не надо винить за случившееся ни себя, ни меня. Вспомни, что было, когда умерли Мария и Оля. То, что случилось в ту ночь, нужно было мне, а вчерашняя ночь была нужна тебе. Ты поняла меня?

Она долго молчала, прежде чем проговорить:

– Ты прав. Будем считать, что это был своего рода сеанс шоковой терапии.

Что-то промелькнуло в его глазах, она не поняла, что. Он отвел взгляд, а когда снова посмотрел на нее, его глаза ничего не выражали. Голос тоже был бесстрастен.

– Ты хорошо выразилась: шоковая терапия. Естественно, ты можешь не беспокоиться: Максим ничего не узнает.

Она вспыхнула и почти с ненавистью посмотрела на него. Он снова криво усмехнулся, взял ее под руку и со словами: «Я чертовски проголодался», повел в ресторан.

Удивительно, но за все утро они ни разу не заговорили о Чингизе, словно не узнали вчера о его страшной смерти. И только когда после завтрака они поднимались к себе в номер, Амир проговорил:

– Нужно позвонить Максиму.

Наргиз побледнела как полотно. Ноги мгновенно сделались ватными.

– Я не смогу. Я не смогу ему это сказать.

– Хорошо, я сам ему позвоню.

Мобильник, который он оставил на кофейном столике, по-прежнему был отключен. Стоило включить его, как тут же раздался звонок. Звонил, конечно, Максим.

– Что, черт побери, происходит? – его тон был резким, так не похожим на его обычный мягкий и спокойный голос. – Почему я не могу дозвониться до вас со вчерашнего дня, и почему нет звонка от вас?

– Прости, Максим, мы не хотели сразу сообщать тебе... Боюсь, что у меня плохие новости. Вчера полиция обнару-

жила труп Чингиза.

– Что ты сказал? – вмиг осевшим голосом спросил Максим. – Повтори, что ты сказал.

Амир покорно повторил. На том конце провода долго молчали, а потом раздались гудки.

Через десять минут звонок повторился.

– Передай трубку Наргиз, – потребовал Максим.

Наргиз дрожащими пальцами схватила мобильник и едва узнала голос Максима.

– Это правда, Наргиз?

– Да, правда, – выдохнула она и заплакала. Слезы градом лились из глаз, не принося облегчения. Сквозь рыдания она снова слышала голос Максима.

– Я первым же рейсом вылетаю в Нью-Йорк.

Она кивнула головой, словно он мог видеть ее. Слезы продолжали катиться по щекам, она потянулась за носовым платком, но его в сумке не оказалось. Уловив ее движение, Амир достал из кармана пиджака свой, протянул ей и был ошарашен, когда она резко оттолкнула его руку.

– Не смей этого никогда делать!

Ничего не понимая, он потянулся, чтобы самому вытереть залитое слезами лицо, но она отпрянула от него.

– Мы же договорились, – с укоризной произнес он. – Вот не думал, что ты способна на подобную истерику.

– Прости, Амир. – На несколько долгих секунд она закрыла глаза, потом открыла их и устало проговорила: – Про-

сто это всегда было привилегией Чингиза. Стоило мне заплакать, как он тут же доставал свой платок и утирал мне глаза. Платки у него всегда были удивительно белоснежными и аккуратно выглаженными. Я все пыталась узнать, кто их ему стирает, но он только загадочно улыбался. Выдал его секрет Максим. Оказалось, что стирать носовые платки он не доверял никому, делал это всегда сам.

От нахлынувших воспоминаний слезы полились еще горше, но теперь они приносили желанное облегчение.

К одиннадцати часам они были в полицейском участке и разговаривали с Алексом Сэндером. Точнее, говорил один Амир. Наргиз вмешалась в разговор только тогда, когда капитан заявил, что они не исключают версию ограбления.

– Нет, – резко возразила она, – это не может быть обычным ограблением.

– Вы говорите так уверенно... Какие у вас основания для этого? У вашего друга пропали часы от Картье стоимостью не менее двадцати тысяч долларов, в его кармане не обнаружили ни денег, ни кредитки.

– Зато нашли водительское удостоверение. Грабитель предпочел бы, чтобы труп остался неопознанным, и он обязательно снял бы с жертвы туфли. Они сделаны из крокодильей кожи и стоят больше четырех тысяч долларов.

– Грабитель мог не заметить водительского удостоверения, а что касается обуви – возможно, он не разбирается в ней так хорошо, как вы.

– Звучит правдоподобно, и все же я не согласна с вами. Преступник до неузнаваемости изуродовал лицо жертвы не для того, чтобы полицейские обнаружили в его кармане документ, удостоверяющий его личность. Или же, – подумав, добавила она, – он именно этого и хотел – чтобы его жертву опознали.

– Не получается. Тогда он не стал бы, как вы сами говорите, избавляться от трупа, а он пытался это сделать. Верхняя часть тела сильно обгорела. Возможно, что-то помешало убийце или убийцам довести дело до конца и либо спрятать труп так, чтобы его не нашли, либо изуродовать до такой степени, чтобы его невозможно было идентифицировать.

Каждый раз при словах «труп», «тело» у Наргиз темнело в глазах. Она старалась не думать о том, что эти слова имеют прямое отношение к Чингизу. В том, что говорил детектив, конечно, был смысл, однако она была уверена, что в данном случае они имеют дело не просто с ограблением.

– Вы забываете, кем был убитый и с какой целью прилетел в Нью-Йорк. Речь идет о миллионах долларов, а вы говорите об убийстве с целью кражи карманных денег и часов от Картье.

– Есть люди, которые готовы убить человека и за меньшее. Взять тех же наркоманов. Вам ли, профессиональной журналистке, не знать об этом?

– Согласна с вами, но повторяю: это не тот случай.

– Вы считаете, что в убийстве вашего друга замешан Майкл Фазэрс?

– А вы даже не допускаете такой мысли, не так ли?

Сэндер тяжело посмотрел на нее.

– Сегодня мы виделись с Фазэрсом и сообщили ему о смерти мистера Салихова. Он был потрясен не меньше вашего.

Наргиз сделала нетерпеливый жест рукой.

– Это ничего не значит, притворяться все могут.

Капитан приподнял бровь.

– И вы тоже?

Она недоуменно пожала плечами.

– Мне незачем притворяться. Убили моего друга и...

Он не дал ей договорить.

– Возможно, вы пытаетесь кого-то выгородить и делаете все, чтобы подозрение пало на другого человека.

Наргиз непонимающе уставилась на американца.

– Я... кого-то выгораживаю?! – Она чуть не взвилась от негодования. – Кого, интересно знать?

Не отвечая прямо на ее вопрос, Сэндер спросил:

– А почему вы не допускаете мысли, что в убийстве вашего друга замешаны не американцы, а ваши сограждане?

Наргиз и Амир удивленно переглянулись. Такая мысль даже не приходила ей в голову, и она быстро ответила:

– Мои соотечественники, если бы захотели, могли бы расправиться с ним у себя на родине. Для этого им не надо было отправляться в США.

– Может, им и нужно было, чтобы подозрение пало на американцев? Впрочем, мы не отрицаем, что Майкл Фазэрс может иметь ко всему этому самое прямое отношение. Если Салихов не пожелал предоставить ему отсрочку, то его физическое устранение могло стать единственной возможностью потянуть время и добиться отсрочки платежа.

– Для этого он должен был быть уверен, что преемник Салихова предоставит ему эту отсрочку.

– Майкл Фазэрс мог заранее договориться с ним.

– Ничего не понимаю. – Наргиз даже помотала головой. – У вас что, есть конкретные улики? – Капитан ничего не ответил, и она продолжила: – Преемник Салихова известен – это Максим Володарский, а он никогда не станет договариваться за спиной хозяина банка.

– Вы так уверены в нем?

– Как в самой себе.

– Не говорите так. – Капитан беззлобно усмехнулся. – В этой жизни ни за кого нельзя поручиться, даже за себя.

– Тем не менее, – твердо произнесла Наргиз, – я за него ручаюсь.

– Чингиз Салихов и Максим Володарский большие друзья, – вставил Амир.

Сэндер с сомнением посмотрел на них.

– Не знаю даже, поражаться вашей наивности или восхищаться. Что значит дружба, когда речь идет о миллионах долларов!

Амир смерил американца таким холодным и одновременно снисходительным взглядом, что тому сделалось неудобно.

– Мне остается только пожалеть вас, мистер Сэндер. У вас, видно, никогда не было настоящих друзей.

– У меня есть друзья...

– Если в глубине души вы верите, что они могут предать

вас за большие деньги, то какие они вам друзья?! А вот мне, смею вас уверить, приходилось видеть много примеров настоящей дружбы, когда ни деньги, ни риск потерять положение в обществе, ни опасность, угрожавшая их жизни, не могли заставить людей предать дружбу. Мне искренне жаль вас.

Лицо капитана приняло жесткое выражение.

– Кто знает, может, на этот раз вы поймете, что ошибались.

– У вас должны быть основания так говорить, – резко произнесла Наргиз.

– Они у меня есть.

– Можно узнать, какие?

Сэндер долго молчал, словно сомневался, стоит ли говорить. Наргиз сделала нетерпеливый жест рукой, и он все-таки продолжил:

– Нам удалось узнать, что два месяца назад вице-президент «Эконом-банка» Максим Володарский побывал в Чикаго.

Наргиз ничего не знала о поездке Максима в США, но сочла за лучшее умолчать об этом.

– И что с того? Мало ли для чего ему надо было приезжать в Чикаго.

– Дело в том, – бесстрастно заявил полицейский, – что в это же время в Чикаго находился и Майкл Фазэрс.

– Это могло быть совпадением.

– Вы верите в такие совпадения? – с иронией произнес он.

Наргиз не стала отвечать на этот вопрос.

– У вас есть доказательства того, что они встречались?

Сэндер покачал головой.

– А вы не расспрашивали Майкла Фазэрса о его поездке в Чикаго?

– Нет, это преждевременно. Я не хотел спугнуть его.

– Чего же вы ждете?

Сэндер неопределенно пожал плечами и не стал отвечать на ее вопрос.

После беседы с капитаном Наргиз почувствовала такой упадок сил, что, выйдя из полицейского участка и пройдя несколько метров, рухнула на скамейку и устало протерла виски. Амир устроился рядом с задумчивым видом.

– Надо позвонить Максиму и предупредить, чтобы он не прилетал, – сказала она.

Амир согласно кивнул и извлек из кармана мобильник. Максим ответил после третьего гудка. Наргиз быстро перехватила трубку у своего спутника.

– Максим, тебе лучше не приезжать сюда, – сказала она после обычных приветственных слов.

– Почему? – не понял Максим.

– Это долго объяснять. И это не телефонный разговор. Но поверь: будет лучше, если ты останешься в Москве.

– Я уже в аэропорту, и вылет через час.

– Послушайся меня и верни билет.

– Нет! – голос Максима был непреклонен. – Что бы там

ни было, но я прилечу в Нью-Йорк.

Наргиз пыталась возразить, но он не позволил ей.

– Это не обсуждается, – сказал он и отключил телефон.

– Вот упрямец! – пробормотала она, передавая мобильный Амиру. – Дай Бог, чтобы он не пожалел о том, что не послушался меня.

– Максим знает, что должен быть здесь, и никакие подозрения в его адрес не остановят его.

– Он еще не знает, в чем его подозревают.

– Максим прилетит, даже если его арестуют прямо в аэропорту. Каждый из нас на его месте поступил бы так же.

Володарский заказал номер в том же отеле, что и Наргиз с Амиром и где до них останавливался Чингиз. Отдав чемодан служащему отеля, встретившему его у входа, он, не заходя к себе, сразу поднялся к своим друзьям.

Была уже ночь, но ни Амир, ни Наргиз не спали. Наргиз находилась в номере Амира в ожидании, когда появится Максим. Увидев его в дверях, она вскочила с кресла и, ничего не видя от застилавших глаза слез, громко всхлипывая, бросилась к нему. Он крепко прижал ее к себе и долго не отпускал. Его синие как море глаза также были полны слез, и он не стыдился их. То, что он пережил за последние часы, узнав о смерти Чингиза, он не пожелал бы и врагу. Так тяжело ему не было никогда в жизни, даже тогда, когда по вине Машерова, всучившего ему залежалый товар, его обвинили в отравлении людей и чуть не посадили. Тогда он потерял все свои деньги, влез в долги, и если бы не Чингиз, который пришел ему на выручку, неизвестно, что было бы с ним. А теперь его лучший друг был мертв, а ему даже поделиться своим горем было не с кем. В банке еще ничего не знали о случившемся. Он не стал сообщать сотрудникам о смерти Чингиза, решив, что чем позже они узнают об этом, тем лучше. Его срочная поездка в США никого не удивила. И президент банка, и вице-президент часто выезжали за границу.

Правда, они старались не отсутствовать одновременно. Правом подписи на документах, помимо Чингиза, обладал только он, и в отсутствие обоих могло возникнуть немало нежелательных моментов.

Некоторые партнеры высказывали удивление долгим отсутствием президента банка, но Максим успокоил их: Чингиз Салихов в деловой поездке и скоро вернется. Что он им скажет теперь? И сможет ли он, набравшись храбрости, сообщить родителям Чингиза, что их сын мертв? От одной мысли, что ему все-таки придется это сделать, его охватывал ужас. Как хорошо, что у него есть друзья! И сейчас, оказавшись рядом с ними, он почувствовал, что паника, овладевшая им, постепенно утихает.

Когда Наргиз отстранилась и взглянула на Максима, она помертвела. Казалось, он постарел на двадцать лет. Его пронзительно-синие глаза потемнели, а всегда спокойный, ясный взгляд помутнел от горя, гнева и боли. Широкий лоб прорезала глубокая морщина, вокруг рта образовались горькие вертикальные складки, а виски поседели. Ей было больно это видеть. Она отдала бы полжизни, чтобы стереть с его лица следы горя, чтобы в его глазах больше не было столько боли и отчаяния.

Они просидели втроем до утра, черпая друг в друге силу, мужество и терпение.

Амиру и Максиму удалось поспать чуть больше трех часов. Наргиз в эту ночь так и не заснула, но она всегда спала мало и не чувствовала себя утомленной, когда на следующий день вместе с друзьями спустилась к завтраку. Она позволила Максиму спокойно поесть, а потом стала задавать вопросы, на которые должна была знать ответы.

– Максим, это правда, что два месяца назад ты был в Чикаго?

Тот неожиданно смутился, и это не укрылось от нее. Она молча ждала, когда он ответит.

– Да, был, – наконец произнес он.

– Я ничего не знала об этом. Почему такая таинственность?

Максим снова долго не отвечал. Наргиз нетерпеливо постукивала пальцами по столу. Амир, откинувшись на спинку стула, выжидающе смотрел на друга. Ему тоже было интересно знать, почему Максим умолчал о своей поездке в США. За последнее время они встречались несколько раз, но Максим ни разу не упомянул, что ездил в Чикаго.

– У меня были кое-какие дела здесь, в Соединенных Штатах, – раздалось, наконец, в ответ.

– Какие дела? – строго спросила Наргиз.

– Похоже на допрос, – пробормотал Максим. Он расте-

р्यानно глядел на нее.

– Допрашивать тебя будут в полицейском участке. И будь готов ответить на очень неприятные вопросы.

– Ничего не понимаю. Что происходит, друзья?

– Ты встречался в Чикаго с Майклом Фазэрсом? – не отвечая на его вопрос, продолжала она его расспрашивать.

Максим кивнул.

– Да, это была деловая встреча.

– Так ты для этого летел в Чикаго? Для встречи с Фазэрсом?

– Нет, – не сразу ответит он. – Если позволишь, я не буду отвечать на этот вопрос.

– Не позволяю, – спокойно возразила Наргиз. – Тебе все равно придется ответить на него, если не мне, то полиции.

– Хорошо, я отвечу на этот вопрос полицейским.

– А почему не мне?

– Тебе это не обязательно знать, – мягкостью тона он постарался сгладить резкость слов.

– Ты что-то скрываешь от меня? – Наргиз была так удивлена, что даже не обиделась.

– Это личное и не имеет к тебе никакого отношения.

– Ко мне, может быть, а вот к делу... Я должна знать ответ на этот вопрос, иначе тоже начну подозревать тебя.

– В чем? – не понял Максим.

– В убийстве Чингиза.

Смертельная бледность медленно разливалась по его ли-

цу. Он так крепко ухватился всеми десятью пальцами за край стола, что костяшки побелели.

– Если это шутка, то не самая удачная, – ледяным тоном проговорил он.

Наргиз почувствовала, что почва стремительно уходит из-под ног. И все же сидевший в ней демон, похоже, еще не успокоился.

– Скажи это полиции! – взорвалась она. – Может, там тебе поверят.

– Наргиз! – громко позвал ее Амир, и она почувствовала на своих пальцах его руку. – Наргиз, успокойся! – И, обращаясь уже к Максиму, сказал: – Полиция подозревает тебя в причастности к убийству Чингиза.

Максим побледнел еще больше. Он словно окаменел, но вскоре в потемневших глазах вспыхнула ярость, желваки заходили на скулах. Огромным усилием воли он взял себя в руки и сказал лишь три слова:

– На каком основании?

– Полиции известно, что два месяца назад ты был в Чикаго, где в это же время находился Майкл Фазэрс. Известно также, что Фазэрс должен был вернуть вашему банку огромную сумму денег, но их у него не было. А так как Чингиз не собирался второй раз предоставлять ему отсрочку, тому ничего не оставалось, как физически устранить его. По каким-то причинам то же самое нужно было тебе.

– По каким? – одними губами проговорил Максим.

– Хотел прибрать к рукам банк Чингиза, – бесстрастно проговорил Амир.

– Дальше, – потребовал Максим. – Продолжай.

– Ты дал добро Фазэрсу убрать главу банка, обещав тому взамен новую отсрочку платежа. А может, даже сам приложил руку к его убийству.

Максим молчал, переваривая услышанное. Через долгую минуту он повернул бледное лицо к Наргиз.

– Ты поэтому не хотела, чтобы я прилетел в Нью-Йорк? Ты знала о подозрениях полиции на мой счет? —

Она кивнула.

– И ты поверила, что я могу нанять киллера, чтобы убить Чингиза?

– Ни на йоту.

– Тогда почему ты требуешь от меня объяснений тому, что я делал в Чикаго два месяца назад? Если бы ты мне верила, тебе не нужны были бы мои объяснения.

Теперь побледнела Наргиз.

– Ты все не так понял.

Максим проигнорировал ее слова. Ни к кому конкретно не обращаясь, он сказал:

– Я отправлюсь в полицию и дам показания.

Он тщательно вытер руки влажной бумажной салфеткой, отодвинул стул и встал.

– Мы с тобой, – поднялся вслед за ним Амир, но Максим остановил его.

– Спасибо, мне провожатые не нужны. Скажите только, куда мне следует идти.

После ухода Максима за столом долго царило молчание. Первым нарушил тишину Амир.

– Что на тебя нашло, Наргиз?

– Я сама не знаю.

У нее отчаянно разболелась голова, словно тысячи игл вонзились одновременно в мозг, глаза, уши, горло. С каждой секундой боль все больше усиливалась, становясь нестерпимой. Она схватилась обеими руками за голову, словно стянутую тугим обручем, и глухо застонала. Кажется, на какой-то миг она потеряла сознание, потому что когда пришла в себя, оказалось, что она лежит на полу, над ней хлопочет незнакомый мужчина, а Амир сидит на корточках и потирает ее ледяные руки.

– Что со мной было? – слабым голосом спросила она.

– Обморок, – коротко ответил незнакомец. – Я врач, позвольте мне осмотреть вас.

– Не надо, – запротестовала она и попыталась встать с помощью Амира. Голова кружилась, ноги и руки слушались плохо, все тело ныло, и она испугалась, что снова свалится в обморок. Чтобы не упасть, она обеими руками ухватилась за Амира.

– Вам лучше? – спросил врач, с подчеркнутым сочувствием глядя на нее.

– Боюсь, что нет.

– Вероятно, это последствие какого-то шока. Вы пережили сильное потрясение... – Он был очень пронизателен, этот врач.

– Можешь идти? – голос Амира раздавался будто издалека, хотя он стоял рядом. Перед глазами снова все завертелось, поплыло, и она во второй раз потеряла сознание.

Очнулась Наргиз у себя в номере. Она лежала на кровати, укрытая теплым одеялом. Верхней одежды на ней не было. Она огляделась по сторонам и, никого не обнаружив в комнате, испугалась, что все ее покинули и она осталась одна. Сколько часов она пролежала без сознания? За окном было светло, но день уже прошел. Стрелки часов приближались к шести. Что с ней было? Никогда раньше она не теряла сознания на столь длительное время, не считая того случая более года назад, когда после падения под колеса машины пролежала пять дней в коме.

Она села в кровати, взяла со спинки стула атласный халат и, стараясь не делать резких движений, облачилась в него. Несколько шагов по комнате дались ей с трудом, она тихонько толкнула дверь спальни, и та сразу поддалась. Нет, друзья не бросили ее. Они сидели в соседней комнате, о чем-то тихо разговаривали и ждали ее пробуждения. При виде Наргиз они оба облегченно вздохнули. Ее взгляд сразу устремился на Максима. Она слышала изданный им вздох облегчения, но его лицо тут же приняло бесстрастное выражение.

– Как ты? – спросил Амир, вставая и приближаясь к ней.

– Спасибо, уже лучше.

– Я решил не отдавать тебя в руки врачей – они все равно не смогли бы тебе помочь, учитывая, что тебе нельзя ни

уколов, ни таблеток.

Наргиз пробормотала слова благодарности и отправилась принимать душ. Когда через полчаса она вышла из ванной, в комнате никого не было. Вот и хорошо, она хотела побыть одна. Но думать ни о чем не хотелось – ни о хорошем, ни о плохом. Она все еще чувствовала себя разбитой. Повесив на дверь табличку: «Не беспокоить», она снова легла в кровать и мгновенно заснула крепким сном без сновидений.

Она проснулась очень рано и, позавтракав у себя в номере, вышла в город. Над Нью-Йорком с утра висел плотный густой туман, моросил мелкий дождь, готовый в любую минуту превратиться в ливень. Небоскребы почти исчезли. На смотровой площадке на набережной возле Бруклинского моста торговали самодельными сувенирами и акварелями, однако из-за сырости гуляющих почти не было. Торговцы с надеждой поглядывали на Наргиз, которая неторопливо двигалась вдоль рядов, но сейчас она меньше всего думала о покупке сувениров. Покинув набережную, она почти два часа бродила по незнакомым улицам, а потом села в такси и поехала в полицейский участок.

Сандэр был на месте, и, кажется, у него было хорошее настроение.

– Есть новости? – спросила она, усаживаясь на предложенный стул.

– Новости? Вы ждете новостей?

– Не ерничайте, капитан. Вы поговорили с Максимом Во-

лодарским? Рассказ моего друга убедил вас в его непричастности к убийству Салихова?

– Ваш друг был убедителен, но я взял за правило никогда не принимать слова на веру. Я верю фактам, а факты таковы, что два месяца назад в Чикаго он встречался с Фазэрсом.

– Он объяснил, зачем они встречались?

Капитан с интересом посмотрел на нее.

– А вам он ничего не говорил?

– Нет, он сказал, что это была деловая встреча, но цель его приезда в США была совсем другой. Личной.

– И что это за личная встреча, он не говорил?

– Нет, – призналась Наргиз. – Он утверждает, что мне лучше не знать об этом.

– И вы пришли, чтобы выпросить у меня, зачем он приехал в Чикаго?

– Нет, не поэтому. Максиму незачем убеждать меня в том, что он не имеет никакого отношения к убийству Салихова. Как я вам уже говорила, я верю ему безоговорочно.

Некоторое время капитан задумчиво ее разглядывал.

– Тогда зачем вы пришли? – спросил он, придвигая к себе толстую кожаную папку и раскрывая ее.

– Я хотела узнать, как продвигается следствие.

– Я не вправе ничего вам говорить. Вам известно такое понятие, как тайна следствия?

– Да, я знаю, что такое тайна следствия, но мне нужно знать, что случилось на самом деле и почему погиб Салихов.

– Журналисты народ любопытный.

– Это не праздное любопытство, и вы это прекрасно знаете. Вы установили, что именно стало причиной его смерти? Как и отчего он умер?

Какое-то время Сандэр раздумывал, стоит ли это делать, но, решившись, протянул ей заключение патологоанатомов.

Наргиз читала очень долго. Буквы плясали перед глазами, и ей приходилось пристально вглядываться в текст, чтобы вчитаться и вникнуть в его смысл. «Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы... Удар тяжелым острым предметом... Повреждена височная область, нос перебит в нескольких местах, челюсть сломана... Передние зубы выбиты, остальные... Ожоги лица и рук третьей и четвертой степени...». Она читала, пытаясь отрешиться от мысли, что эти страшные слова имеют прямое отношение к Чингизу, только сделать это было не так-то просто. Почти невозможно. Дочитав и дважды перечитав заключение судмедэкспертов, она вернула бумагу. Сэндер собирался уходить, и ей ничего не оставалось, как покинуть здание полицейского участка.

Она не стала ловить такси, а пошла пешком. Требовалось привести в порядок мысли, пока у нее ничего не выветрилось из памяти. Несколько кварталов она быстрым шагом неслась по направлению к центру города, затем повернула на запад и пересекла Лексингтон-авеню. Следующий час она просидела в «Макдоналдсе», запихивая в себя бигмаки, кар-

тофель фри и коктейли и совершенно не ощущая их вкуса. Побродив еще часа два по улицам Нью-Йорка, она вернулась в отель. Стрелки больших круглых часов в вестибюле показывали четыре. Ни Максима, ни Амира в отеле не было. Они появились поздно вечером, оба выглядели усталыми, особенно Максим. Она никогда не видела их такими подавленными и измученными и не стала ни о чем спрашивать, чувствуя себя не менее разбитой, чем они. Но если она не проявила интереса к тому, как они провели день, то первый вопрос, который задал Амир, был:

– Где ты была целый день? Я звонил тебе. Мобильный не отвечал.

– Я отключила его.

– Так где ты была?

– Встречалась с капитаном Сэндером.

Максим, который в это время наливал в стакан лимонный сок, резко повернулся к ней.

– Пыталась узнать, о чем я с ним говорил? – Он впервые заговорил с ней после вчерашней стычки между ними.

– Наверное, ты удивишься, но нет, я не пыталась добратсья до протокола твоего допроса, – в ее голосе не было сарказма, он звучал устало и как-то безучастно.

Во взгляде Амира, обращенном на нее, она уловила сочувствие и жалость – чувства, которые она особенно не любила. Сочувствие куда ни шло, но жалость... Она встряхнула волосами, распрямила плечи и твердым шагом направилась

к Максиму.

– Максим, мне надо поговорить с тобой.

Тот отпил несколько глотков холодного сока, поставил стакан на место и произнес:

– Прости, Наргиз, но сегодня не получится. Я очень устал и хотел бы побыть один. Давай отложим разговор на завтра. – С этими словами он, коротко попрощавшись, вышел из номера Амира и направился в свой.

Несколько долгих секунд Наргиз смотрела вслед за исчезнувшей фигурой Максима.

– Не злись на него, – раздался рядом голос Амира.

– Я и не злюсь, – пробормотала она.

– Сегодня он был в морге...

Она кивнула.

– Я так и подумала. Он мог бы не ходить туда.

– Он должен был увидеть его собственными глазами.

– Он опознал его?

– Только по одежде и обуви, которые продемонстрировали ему. – Помолчав немного, Амир добавил: – Не трогай его сегодня.

Наргиз не ответила. Вернувшись в свой номер, она, не раздеваясь, бросилась на кровать и больше часа пролежала с открытыми глазами без единой мысли в голове, потом неожиданно вскочила с постели, вышла в коридор и спустилась на третий этаж. Она была уверена, что Максим не спит. Тот действительно не спал, хотя не сразу открыл дверь.

– А, это ты, – произнес он как-то равнодушно, не отодвигаясь и не пропуская ее.

– Можно войти?

Он с явной неохотой посторонился, и она прошла в комнату.

– Амир сказал мне, где вы сегодня были.

Он ничего не ответил, прошел к высокому окну и прижался лбом к холодному стеклу.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. – Она встала рядом с ним. – Я сама испытала шок, когда увидела его обгоревшее тело. До сих пор не могу прийти в себя.

В глазах Максима, когда он повернулся к ней, было столько муки и боли, что первым ее желанием было обнять и утешить его, но стоило ей протянуть к нему руки, как он отстранился.

– Прости, Наргиз, но я хочу побыть один. – Он провел рукой по усталому лицу и вымученно улыбнулся.

Странно, общее горе должно было объединить их, но в действительности отдалило друг от друга. Почему? Из-за вчерашнего разговора? Неужели он подумал, что она усомнилась в нем, поверила в его причастность к убийству Чингиза? Как такое могла прийти ему в голову? Что она вчера сказала не так? Или ему не понравился тон, которым она говорила? Да, кажется, ее вчера немного занесло, в нее словно бес вселился. Но что бы и каким бы тоном она ни говорила, у нее и в мыслях не было, что он может пожелать убить Чин-

гиза. Ей и так было плохо, почему он заставляет ее чувствовать себя виноватой? Она редко обижалась на людей, считая, что чаще всего человек совершает неблагоприятные поступки не с целью обидеть и оскорбить, а из-за недостатка ума и ли отсутствия хорошего воспитания. Но Максима нельзя было упрекнуть ни в том, ни в другом. Впервые она почувствовала настоящую обиду. Она судорожно сглотнула, пытаясь взять себя в руки, потом резко повернулась и пошла к выходу.

«Я должна взять себя в руки! – говорила себе Наргиз, направляясь в свой номер. – Все это только начало, и если я не смогу справиться с этим сейчас, то смогу ли потом?» Звук собственного голоса в какой-то степени успокоил ее, пройдя сквозь бурливший в ней водоворот. Она ощутила жуткую усталость – ей уже так давно не удавалось как следует выспаться, что она даже не помнила, каким бывает настоящее, лишенное сновидений забвение.

Едва волоча ноги, она прошла в спальню, включая по пути свет. Раньше ей никогда не было страшно одной, но сегодня нервы Наргиз были так напряжены, что она вздрагивала при каждом звуке, все чувства ее были необычайно обострены. Ей хотелось сейчас спать, спать, спать, но она так и не смогла заснуть в эту ночь.

Утром, после нескольких почти бессонных ночей, Наргиз выглядела как привидение. Осунувшееся лицо, воспаленные глаза с синими тенями под ними, впалые щеки, нервно подергивающийся рот. Максим выглядел не лучше. Только Амир, хотя и осунулся за последние дни, казался таким же, как прежде: сдержанным, подтянутым. За завтраком он обеспокоенно смотрел на обоих.

– Эй, ребята, что происходит? – не выдержал он наконец.

Наргиз и Максим сидели, сосредоточившись каждый на своем омлете с грибами. За полчаса они не перемолвились ни единым словом.

– Если ты забыл, – кривая усмешка портила обычно ясное и спокойное лицо Максима, – у меня убили друга.

– Я это прекрасно помню, – бросил Амир. Взгляд его сделался таким же холодным, как и тон. – Кстати, он такой же друг мне, как и тебе.

– Значит, не такой, если...

– Ребята, перестаньте! – голос Наргиз зазвенел от напряжения. – Не хватало только, чтобы мы поссорились.

Некоторое время за столом царила напряженная тишина. Омлет так и остался недоеденным. Первой нарушила молчание Наргиз. Она напомнила Максиму, что он отложил разговор с ней на сегодня.

– Хорошо, – кивнул тот, – о чем ты хочешь поговорить со мной?

– Только не здесь.

Она огляделась. Зал ресторана в эти утренние часы был полон людей. Многие негромко переговаривались, и тихий гул голосов странным образом давил на взвинченную Наргиз.

– Поднимемся ко мне в номер, – вставая из-за стола, предложила она.

Максим поднялся вслед за ней. Амир продолжал сидеть.

– Ты не пойдешь с нами? – задержавшись, спросила она.

– Думаю, вам лучше поговорить наедине. Не буду вам мешать.

Наргиз не стала убеждать его в том, что он им несколько не помешает. Наоборот, поблагодарила взглядом и поспешила к выходу из ресторана. Поднимаясь на лифте на свой этаж, она думала о том, как вести разговор с Максимом, когда тот настроен так враждебно. Станет ли он отвечать на ее вопросы или снова ошестинится и уйдет в себя? Войдя в номер, она предложила ему сесть в кресло, а сама устроилась на стуле напротив.

– Максим, – она наклонилась, взяла его руку в свою и заставила взглянуть на себя, – я хочу найти убийцу Чингиза. Уверена, ты хочешь того же.

– Ты уже не считаешь, что я, лучший друг Чингиза, замешан в его убийстве?

Она отпустила его руку и неожиданно даже для себя от-весила ему звонкую пощечину. Он не ожидал от нее такой реакции и в первую секунду растерялся. Потирая щеку, он ошеломленно смотрел на нее.

– Ты меня очень обидел.

– Ты говорила, что никогда не обижаешься, – пробормо-тал он.

– Я ошибалась. Ты меня обидел. Я знаю, тебе сейчас пло-хо, но ведь и мне нелегко. Давай не будем делать друг другу больно.

Некоторое время он молчал, потом встал, порывисто при-тянул ее к себе, обнял.

– Прости меня, пожалуйста, но я думал, что сойду с ума, когда ты почти обвинила меня в убийстве Чингиза.

– Тебе это померещилось. Ты последний человек, которо-го бы я заподозрила в этом.

– Прости меня, – повторил он.

– Уже простила. И ты прости, если я сказала или сделала что-то не так.

Он улыбнулся ей и сразу стал прежним Максимом – та-ким, каким она знала его и любила.

– Что я должен сделать, чтобы искупить свою вину?

– Ответить на мои вопросы.

– Я готов.

Они снова сидели друг против друга, только теперь между ними не было никакого напряжения и непонимания.

– Два месяца назад ты был в Чикаго и встречался с Майклом Фазэрсом. С какой целью?

– Это касалось банковских дел. Чингиз попросил меня встретиться с Фазэрсом и напомнить ему, что скоро наступит срок платежа.

– Почему вы встретились в Чикаго, ведь тот живет в Нью-Йорке?

– Фазэрс узнал, что я прилетел в Чикаго, и решил, что будет лучше, если мы увидимся там. У него были свои дела в этом городе, он прилетел в Чикаго, и мы с ним встретились.

– Встреча с ним была не единственной и не главной целью твоей поездки в США. Ведь так? Иначе ты сразу бы прилетел в Нью-Йорк.

– Да, я приехал в эту страну совсем по другой причине. Она выжидательно смотрела на него.

– Это были личные причины.

– Ты расскажешь?

– Если это возможно, я отказался бы.

Она отрицательно покачала головой.

– Я так и думал.

Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и какое-то время собирался с мыслями.

– Много лет назад, в другой жизни, – наконец начал он, – я встречался с одной девушкой. Лена была обаятельна, красива, довольно не глупа, и я сильно увлекся. Мы встречались уже год, дело шло к свадьбе, но тут в моей жизни наступи-

ла черная полоса. За несколько дней я полностью обанкротился. Чингиз наверняка тебе об этом рассказывал. Машеров поставил мне большую партию некачественных продуктов, которые к тому же оказались с просроченным сроком. Несколько человек отравилось, дело едва не дошло до суда. Мне пришлось продать все, что у меня было ценного – квартиру со всей обстановкой, машину, сеть магазинов, которыми я владел, – чтобы заплатить за лечение пострадавших и компенсировать им моральный и физический ущерб. Если бы не Чингиз, не знаю, как бы я выпутался из этой истории.

– Я догадываюсь, что дальше произошло. Это юное создание оставило тебя.

– Она не поверила, что я смогу снова оказаться на плаву, и отдала предпочтение более удачливому бизнесмену – американцу, с которым вскоре переехала в США. С тех пор мы не встречались, я почти ничего не слышал о ней, но два месяца назад Лена вдруг позвонила и попросила о помощи.

– И ты, конечно, сразу откликнулся. – В ее голосе не было иронии, она констатировала факт. – Почему? Ты ведь ничем ей не был обязан. Или ты так любил ее?

– Да, я любил ее и тяжело пережил наш разрыв. Видимо, ее чувства ко мне были не так сильны, как мои, если не выдержали первых же испытаний.

– Но ведь не только это заставило тебя мчаться на другой конец света?

Он хрипло засмеялся.

– Она сказала, что ее первенец... мой сын.

– Она обманула тебя.

– Как ты догадалась? – Он удивленно смотрел на нее.

– Последние два месяца мы встречались не раз. Ты не был похож на счастливца, через много лет узнавшего, что у него есть сын. Впрочем, на несчастного тоже. Как ты узнал, что это не твой сын?

– Лена сама призналась. Она боялась, что я откажу ей в помощи, и выдумала насчет отцовства. Да и стоило лишь раз взглянуть на мальчика, чтобы понять, кто его настоящий отец.

– Что она хотела от тебя?

– Денег. Удача изменила ее мужу. Он ввязался в сомнительное дело и не только потерял все деньги, но и наделал долгов на громадную сумму. Те, кому он задолжал, требовали возврата денег, иначе грозились убить его жену и детей.

– Сколько она попросила у тебя?

– Двадцать миллионов долларов.

– Но ведь у тебя нет таких денег. Или есть?

– Нет, таких денег у меня нет.

– И, тем не менее, ты обещал ей их?

Максим подтвердил, что да, он обещал ей эту сумму.

– Откуда ты собирался взять двадцать миллионов?

– Я собирался просить их у Чингиза.

Наргиз помертвела.

– Ты рассказал обо всем этом в полиции?

Он кивнул.

– Господи, ты же дал им в руки мотив! Чингиз отказался тебе помочь, и ты за его спиной стал договариваться с Фаз-эрсом.

– Они все равно узнали бы правду. Полицейским ничего не стоит встретиться с Леной и допросить ее.

– Тебе не следовало приезжать сюда. Они могут не отпустить тебя назад.

– У них нет прямых улик, лишь одни предположения.

– Стоит им только захотеть, и они раздобудут улики.

– Не надо так мрачно смотреть на ситуацию. Все не так плохо. – Он протянул руку и успокаивающе дотронулся до ее руки. – Я не виновен, и как бы им ни хотелось свалить вину на меня, ничего у них не получится.

– Будем надеяться, – прошептала Наргиз.

– У тебя еще есть ко мне вопросы?

– Нет. Чем ты займешься сегодня?

Максим помрачнел.

– Нужно получить разрешение и как можно быстрее перевезти тело Чингиза на родину.

– Ты сообщил его родителям?

– Я не смог. Понимаю, что нельзя больше оттягивать, но не могу.

– Пусть они узнают об этом как можно позже. Неизвестно еще, когда нам позволят забрать его тело. Не надо, чтобы они

через все это проходили. Полиция, морг, опознание...

При воспоминании о той минуте, когда она увидела обезображенное тело Чингиза, ее пробрала дрожь. Видимо, Максим представил себе ту же картину, потому что изменился в лице так же, как и она.

– Я обязательно найду его убийцу, – пообещала она вслух. – Чего бы мне это ни стоило.

– Чингиза было совершенно не узнать. Если бы не его одежда... Господи, мне до сих пор не верится, что его нет на свете. Мне его очень не хватает.

– Мне тоже...

Следующие три дня были заполнены хождением по разным инстанциям. Чиновники везде и всюду одинаковы, и если бы не Амир с его удостоверением конгрессмена, они вряд ли бы так быстро решили свои вопросы. Наргиз несколько раз заходила в полицейский участок, но Сэндер хоть и не отказывался встречаться с ней, но сообщать о ходе следствия не собирался. Вызвать его на откровенность, как ни старалась Наргиз, не получалось. Главными подозреваемыми по-прежнему оставались Володарский и Фазэрс, хотя доказать их причастность к убийству было непросто. Одной из основных версий полицейские по-прежнему рассматривали убийство с целью ограбления.

Субботним вечером друзья забрели в ресторан-бар, разместившийся в полуподвальном помещении. В небольшом зале было всего восемь столиков, и только четыре из них заняты. Они расположились за круглым столиком в самом углу. Амир заказал виски. Максим пил мартини, Наргиз предпочла шерри. Они мало говорили, перекидываясь изредка ничего не значащими фразами. Амир, рассказывая о встрече с каким-то юристом, назвал номер телефона и адрес его офиса, и Максим извлек из кармана записную книжку, чтобы записать их. Из раскрытой записной книжки выпали две небольшие фотографии, и Наргиз наклонилась, чтобы

поднять их. На обеих фотографиях был изображен Чингиз. На одной из них он стоял во весь рост. Снимок был сделан зимой в подмосковном лесу. На Чингизе было длинное темно-синее кашемировое пальто. Белый шарф красиво оттенял четко очерченные, словно высеченные из мрамора черты лица. Наргиз долго держала в руках фотографию, потом отложила ее и взяла другую. На ней Чингиза снимали с близкого расстояния. В кадр попало только лицо. Мужчина улыбался во весь рот, обнажая безупречно ровные белые зубы.

Что-то вдруг взорвалось в голове Наргиз. Она не могла оторвать глаз от снимка. Чем дольше она смотрела на него, тем больше ее охватывало какое-то смутное чувство. Нет, не беспокойство, а нечто другое. Какая-то мысль ее смущала, не давала покоя, но она никак не могла за нее ухватиться. Она надавила пальцами на виски и зажмурила глаза, словно таким образом могла не дать мысли ускользнуть, исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.